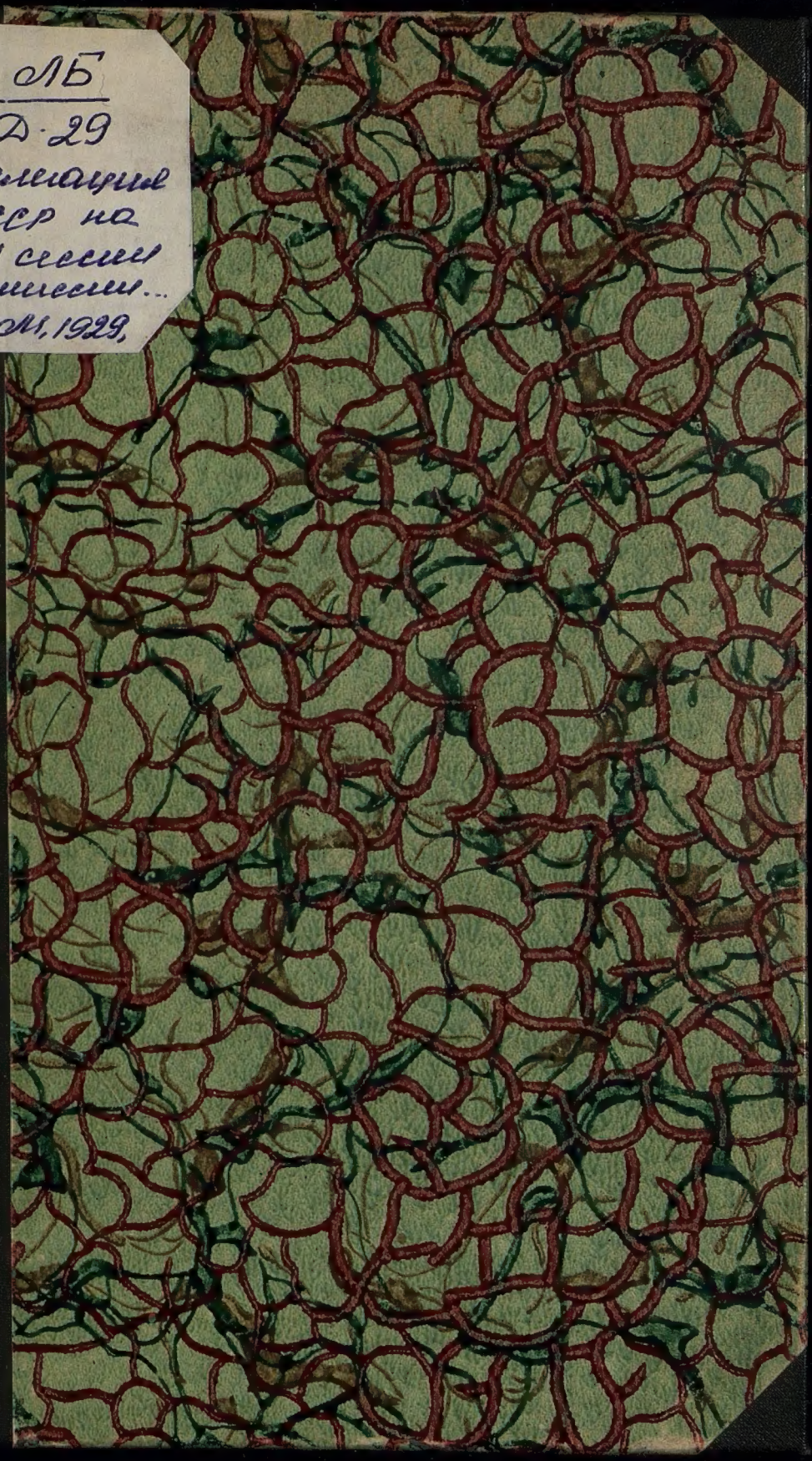
ЛБ
Д-29
Делегация СССР на VI сессии комиссии... М., 1929.



Лб
38
Д 29

ДЕЛЕГАЦИЯ СССР
НА
VI СЕССИИ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

15 АПРЕЛЯ—6 МАЯ 1929 г.

FB
C

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
МОСКВА
1929

I-й экз сс. фонд.

1Б
Д-29

ДЕЛЕГАЦИЯ СССР

НА

VI СЕССИИ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

15 АПРЕЛЯ—6 МАЯ 1929 г.

292/2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
МОСКВА—1929

FB
C
2 Y
30

Напечатано в тип.-лит.
им. тов. Воровского,
ул. Дзержинского, 18.
Главлит А 43175
Тираж 1.000 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1184987

Правительство СССР, начиная с первых дней своего существования, сделало борьбу за мир одним из основных положений своей политики и неоднократно выступало с предложениями о разоружении [1]).

В последнее время, несмотря на отрицательное отношение к Лиге Наций и скептическое отношение к ее работам, Советское Правительство, не желая упускать хотя бы самой малой возможности добиться разоружения, приняло участие в работах Комиссии по подготовке Конференции по Разоружению, образованной по инициативе Лиги.

Уже на первом заседании IV сессии Комиссии по Разоружению, на котором впервые присутствовала Советская Делегация, 30 ноября 1927 года, т. Литвинов сделал декларацию о необходимости немедленного, всеобщего и полного разоружения [2]). Однако Комиссия отложила слушание этого вопроса до своей следующей сессии.

15 февраля 1928 г. Советская Делегация направила в Комиссию проект конвенции о немедленном, всеобщем и полном разоружении, развивавший и конкретизировавший положения декларации от 30 ноября 1927 г. [3]).

На V сессии Комиссии последняя в резолюции от 24 марта 1928 г. отклонила советский проект конвенции о полном разоружении, равно как и отложила слушание другого проекта, представленного Советской Делегацией, а именно проекта конвенции о сокращении вооружений на половину для больших стран и на одну треть и одну четверть — для меньших [4]). Срок созыва VI сессии Комиссии, несмотря на насто-

---

1) „СССР в борьбе за разоружение", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г., стран. 11.

2) „СССР в борьбе за разоружение", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г., стран. 38.

3) „Проект конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г.

4) „Борьба за мир", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г., стр. 45.

яния Советской Делегации, был оставлен на усмотрение председателя Комиссии. Однако в резолюции было указано на желательность, чтобы Комиссия была созвана, по возможности, до IX Собрания Лиги Наций.

Незадолго до открытия последнего, 20 августа 1928 г., т. Литвинов обратился с письмом к председателю Комиссии по Разоружениюю, г. Лоудону, относительно срока созыва Комиссии. Г. Лоудон ответил 4 сентября, что ожидает итогов IX Собрания. Последнее вынесло 25 сентября 1928 г. резолюцию о созыве Комиссии до начала или, во всяком случае, в начале 1929 г.

6 декабря 1928 г. т. Литвинов снова обратился к г. Лоудону с письмом о сроке созыва VI сессии Комиссии, подвергнув критике состояние вопроса о разоружении и указав на необходимость возможно скорее приступить к обсуждению советского проекта конвенции о сокращении вооружений.

Только 27 декабря г. Лоудон назначил VI сессию на 15 апреля 1929 г. и уведомил о том т. Литвинова. Это письмо было разослано 29 декабря 1928 г.

*
* *

VI сессия Комиссии по Разоружению продолжалась с 15 апреля по 6 мая 1929 г.

В сессии участвовали делегации 25 государств.

Делегация СССР состояла из председателя т. Литвинова и членов: т. Луначарского и т. Лангового.

Остальные правительства были представлены следующим образом (указаны только первые делегаты):

1) Бельгия — барон Моншер [1]).
2) Британская Империя — лорд Кашендун.
3) Венецуэла — г. Цумета.
4) Греция — г. Политис.
5) Германия — граф Бернсторф.
6) Италия — ген. Маринис.
7) Испания — г. Кобиан.
8) Канада — г. Риддель.
9) Китай — ген. Цанг Цопинг.
10) Колумбия — г. Рестрепо.

---

1) Выступал преимущественно второй делегат, барон Ролэн-Жакемен.

11) Куба — г. Бланк.
12) Нидерланды — г. Лоудон [1]).
13) Персия — Гуссейн Хан Ала.
14) Польша — г. Сокаль.
15) Румыния — г. Антониаде.
16) Соединенные Штаты Америки — г. Гибсон.
17) Турция — Тевфик Рушди Бей [2]).
18) Финляндия — г. Хольсти.
19) Франция — г. Массильи.
20) Чехо-Словакия — г. Фирлингер.
21) Чили — г. Вальде-Мандевилль.
22) Швеция — г. Вестман.
23) Югославия — г. Маркович.
24) Япония — г. Сато.

Правительства Аргентины, Болгарии и Уругвая, имеющие место в Комиссии, делегаций не прислали.

Председателем Комиссии был Лоудон, вице-председателями: г. Политис, заменивший председателя, начиная с 16 заседания, 30 апреля, и г. Кобиан.

Комиссия имела 21 заседание, в продолжение которых приняла следующие постановления:

Об отклонении советского проекта сокращения вооружений — большинством голосов Комиссии, кроме голосов СССР, Турции и Китая [3]).

Об отложении германского предложения об обмене военными сведениями — 20 апреля.

О возможности сделать Конференции по Разоружению дополнительные предложения о химической войне — 23 апреля.

О скорейшей ратификации протокола 1925 г. о воспрещении химической и бактериологической войны (по инициативе Делегации СССР) — 23 апреля.

Об отклонении германского предложения (поддержанного Советской Делегацией) о воспрещении воздушных бомбардировок — 24 апреля.

---

[1]) Выступал второй делегат, Рутгерс.

[2]) Выступал также Мунир Бей.

[3]) Кроме того, после отклонения советского проекта турецкая делегация 24 апреля сняла с обсуждения свое предложение сократить вооружения крупных стран и стабилизовать вооружения остальных.

Об отклонении китайского предложения об отмене обязательной военной службы (без голосования и без участия Делегации СССР) — 29 апреля.

О принятии во втором чтении части проекта конвенции о сокращении вооружений, составленного Комиссией в 1927 г.; окончательная редакция была принята 6 мая, но с некоторыми оговорками и возражениями, в том числе Делегации СССР.

При этом, рассматривая главу о личном составе сухопутных войск, Комиссия отказалась ограничивать военные резервы;

рассматривая главу о воздушных вооружениях, Комиссия исключила некоторые положения, касающиеся затруднения использования гражданской авиации для военных целей;

рассматривая главу о химической и бактериологической войне, Комиссия отказалась от воспрещения подготовки в мирное время к этим видам войн;

кроме того, Комиссия отказалась от всякого ограничения вооружений сухопутных войск, от ограничения резервных и запасных материалов военно-воздушных сил и от ограничения военных бюджетов.

Второе чтение остальной части проекта 1927 г., касавшейся морских вооружений, гласности военных бюджетов и исполнения конвенции, Комиссия на заседании от 6 мая решила отложить [1]).

В тот же день сессия была прервана; имевшие место заседания были названы первой половиной VI сессии.

Срок созыва второй половины VI сессии (вопреки предложению Советской Делегации) назначен не был.

*
* *

Советская делегация имела в качестве руководящей директивы постановление ЦИК СССР от 10 декабря 1928 г., вынесенное по докладу о международном положении.

«Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, заслушав доклад и. о. Народного Комиссара по Иностранным Делам т. М. М. Литвинова о международных отношениях, постановляет:

---

[1]) Кроме того, был отложен вопрос о работах Арбитража и Безопасности.

1. Всецело одобрить политику Правительства Союза ССР, направленную на достижение и укрепление мирных отношений Союза ССР со всеми государствами мира.

2. Констатируя, что последовательно мирная политика Советского Правительства, его систематические усилия в деле всеобщего и хотя бы частичного, но действительного разоружения встречают сопротивление со стороны сильнейших капиталистических государств, — поручить Правительству Союза ССР неуклонно продолжать политику мира и разоружения и одновременно внимательно наблюдать за всеми попытками, направленными к нарушению мира и вовлечению человечества в новую бойню, ведя активную борьбу за разоблачение этих попыток и за укрепление мирного сожительства всех народов» [1]).

В течение VI сессии Комиссии по Разоружению Советская Делегация 72 раза брала слово для защиты дела разоружения и, кроме того, сделала 8 письменных представлений и обращений к Комиссии. Встречая при этом ряд трудностей со стороны руководителя собрания, делегация вынуждена была обратиться со специальным письмом по этому поводу к Председателю Комиссии (см. документ № 9).

Первоначально прения велись относительно включения в порядок дня рядом с советским проектом исключавшего его проекта Комиссии 1927 г. (см. документ № 1).

Начиная с третьего заседания, 17 апреля, на обсуждение был поставлен советский проект конвенции о сокращении вооружений. Для того, чтобы сразу сосредоточить внимание на главном, т. Литвинов предварительно поставил перед Комиссией три основные положения этого проекта: существенное сокращение вооружений, пропорционально-прогрессивная система сокращения и установление конкретных цифр (см. документ № 3). В дальнейшем формулировка этих положений была расширена так, чтобы включить и турецкое предложение, которое также исходило из необходимости применения об'ективного метода разоружения (см. п. 2 советского проекта резолюции в документе № 6).

При этом Советская Делегация настаивала на том, чтобы каждая делегация дала ответ на поставленные три основные

---

[1]) Собр. зак. СССР, 1928 г., № 69, стр. 636.

вопроса разоружения (документ № 5). Однако только часть делегаций высказалась по поводу советского проекта; другая же часть предпочла уклониться от прямого ответа и выразила свое отрицательное отношение к советскому проекту, голосуя за контррезолюцию, предложенную президиумом. Эта последняя отклоняла советский проект, оговаривая возможность приобщения его к докладу, имеющему быть представленным Конференции по Разоружению.

В резолюции президиума советской идее существенного сокращения вооружений противопоставлялась формула статьи 8 Статута Лиги Наций—«сокращения до минимума, совместимого с национальной безопасностью и выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением». Эта условная формула была неясной, т. к. оставляла под сомнением, имеется ли в виду сокращение вооружений или только сохранение существующих вооружени йли даже оставление возможности их увеличения до известного предела, а также неясен был вопрос, о каких видах вооружения идет речь.

Поэтому, когда, начиная с 7 заседания, 20 апреля, Комиссия приступила ко второму чтению своего проекта 1927 г., то Советская Делегация, внося ряд предложений, имеющих целью всячески усилить разоружение, стремилась в то же время добиться включения в этот проект указания на то, что вооружения будут существенно сокращены, а не только ограничены (см. документ № 17). Однако Комиссия отказалась связать себя какими-либо обязательствами в этом смысле.

В то же время Комиссия исключила из конвенции указание на ограничение ряда самых основных видов вооружений, составляющих реальную боевую мощь современных армий (см. документ № 18). Другую часть важнейших вопросов Комиссия не стала рассматривать, отложив дальнейшие работы на неопределенное время.

Кроме того, по некоторым побочным вопросам, связанным с разоружением, Комиссия приняла либо не имеющие значения резолюции, либо их отклонила. При этом Комиссия отклонила все поправки и предложения, вносившиеся Делегацией СССР с целью усилить разоружение, за исключением одного предложения. Это единственное положительное решение, принятое Комиссией по предложению Советской

Делегации, касалось ускорения ратификации Женевского Протокола 1925 г. о воспрещении химической и бактериологической войны (см. документ № 10).

Своей позицией в отношении главных вопросов Комиссия обнаружила нежелание сделать что-либо реальное для дела разоружения, что и было констатировано в письменном обращении т. Литвинова от 19 апреля по поводу отклонения советского проекта (см. документ № 8) и в заключительном слове 6 мая (документ № 18).

V С'езд Советов в п. 3 своего постановления от 22 мая 1929 г., вынесенном по отчету Правительства СССР, заявил:

«С'езд не может не учитывать того обстоятельства, что противоречия интересов отдельных империалистических группировок и рост конкурентной борьбы между ними являются источником напряженности международной обстановки и порождают угрозу новых войн. Отклонение Подготовительной Комисссией по Разоружению советских проектов разоружения и выявившееся на сессии Подготовительной Комиссии нежелание входяих в Лигу Наций и участвующих в Подготовительной Комиссии капиталистических государств сделать даже самый ничтожный шаг в сторону сокращения военно-морских вооружений лишний раз подтверждает, что эти государства, несмотря на принятие ими по пакту Келлога обязательств об отказе от войны, как орудия национальной политики, на самом деле строят всю свою политику на подготовке новой мировой войны.

Одобряя усилия Союзного Правительства по поддержанию всеобщего мира и проводимую им борьбу за разоружение, которые не могут не встретить самого горячего сочувствия со стороны трудящихся всего мира, С'езд, учитывая военные приготовления империалистических держав и непрекращающиеся враждебные выступления против Союза ССР, предлагает Союзному Правительству на ряду с неустанной работой по сохранению мирных отношений со всеми державами в то же время принимать все меры к укреплению обороноспособности страны».

*
* *

Помещенные ниже документы воспроизводят главнейшие выступления Советской Делегации общего характера, сделанные на VI сессии Комиссии по Разоружению.

Все речи были произнесены председателем Делегации СССР т. Литвиновым, за исключением речи, помещенной под № 2, которая была произнесена членом Делегации т. Ланговым. Документы №№ 6, 8, 9 и 10 были внесены в Комиссию в письменной форме.

№ 1.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

2 заседание, 16 апреля 1929 г.

Эта речь была произнесена т. Литвиновым в связи с тем, что в порядок дня, предложенный Председателем 15 апреля, был включен, рядом с советским проектом конвенции о сокращении вооружений, также и проект, составленный Комиссией по Разоружению в 1927 г. Кроме того, Председатель имел в виду вести обсуждение советского проекта в плоскости определения его соответствия путям, намеченным Комиссией. Выступая по указанному вопросу, т. Литвинов дал обзор событий, предшествовавших VI сессии, критику методов работы Комиссии и изложение основных черт и преимуществ советского проекта.

Г-н Председатель,

1. При всем моем желании считаться с высказанным вами вчера желанием о наивозможном сокращении речей по порядку дня, я вынужден заранее просить у вас извинения, если я не в полной мере удовлетворю этому желанию.

2. Вопрос, который мы сейчас обсуждаем, является не просто вопросом о порядке дня, техническим вопросом, вопросом об удобстве перестановки одного пункта порядка дня на место другого, — а вопросом, имеющим глубокое принципиальное значение. Решая этот вопрос, Комиссия покажет, готова ли она приступить на настоящей VI сессии к действительному разрешению проблемы разоружения, будет ли эта сессия шагом вперед, или же она будет похожа на своих предшественниц в смысле бесплодности ее работ, и ее движение придется вновь охарактеризовать, как топтание на месте.

3. Эти мои замечания были бы излишни, если бы я был убежден в том, что, предлагая нам поставить первым пунктом порядка дня обсуждение советского проекта конвенции о сокращении вооружений, наш Председатель действительно имеет в виду положить этот проект в основу всех дальней-

ших работ Комиссии по Разоружению. Я думаю, что я вряд ли был бы справедлив к нему, если бы приписывал ему подобную—с его точки зрения, вероятно, совершенно еретическую—мысль. Такому предположению противоречат многочисленные указания г. Председателя в его речах здесь в Комиссии, а также в его ответном письме на мое имя от 29 декабря п. г. на необходимость продолжения Комиссией работ «по ранее проложенным ею путям». По принятой Комиссией и всем теперь вполне понятной терминологии это значит фактическое исключение всяких новых проектов конвенции, в том числе и представленного Советской Делегацией проекта, в пользу проекта, разработанного Комиссией и прошедшего уже первое или, правильнее сказать, первую половину своего первого чтения. Неудивительно поэтому, что в своей вчерашней речи г. Председатель предлагал раньше всего рассмотреть вопрос, укладывается ли советский проект в рамки проекта 1927 г. или нет. Продолжая эту мысль, приходится сказать, что, в случае отрицательного ответа на этот вопрос, г-н Председатель сочтет неизбежным отклонение советского проекта целиком, без его обсуждения по существу. Я считаю себя поэтому в праве предположить, что целью предлагаемого порядка дня является не обсуждение советского проекта по существу, а чисто формальное рассмотрение вопроса, может ли Комиссия вообще заниматься этим вопросом или она должна отбросить его в сторону, с целью перехода к менее существенным пунктам проекта 1927 г., второе чтение которого, как г-н Председатель вчера нам подтвердил, является в настоящее время еще невыполнимым. Я буду только рад оказаться плохим пророком, если члены Комиссии опровергнут мои предположения. Но если бы мои предположения были ошибочны, то г-н Председатель не включил бы, и при том не в условной, а в вполне положительной форме, некоторые другие пункты порядка дня, которые содержатся целиком и в советском проекте. Попутно я позволю себе упомянуть, что почти все перечисленные в меморандуме графа Бернсторфа от 8 апреля вопросы могут быть разрешены и советским проектом, и при том в духе самого меморандума. Равным образом, могут быть уложены в рамки советского проекта и одновременно с ним обсуждены всякие другие предложения делегаций, ранее внесенные или имеющие быть внесенными, так как советский проект является в смысле разоружения всеоб'емлющим и, во всяком случае, имеющим более широкие рамки, чем проект 1927 г.

4. Я уверен, что гг. делегатам вполне понятно, что проект 1927 г. и советский являются взаимно исключающими и не могут обсуждаться одновременно. К этому надо добавить, что в то время, как в основу советского проекта положены вполне определенные принципы, дающие возможность

решать уже теперь вопросы о разружении и его размерах, другой проект дает возможность лишь дискуссии по техническим вопросам, и, в случае даже своего окончательного принятия, не открывает никаких перспектив для разрешения основного вопроса о разоружении и о степени этого разоружения. Всего важнее устранение советским проектом тех препятствий, на которые натолкнулся два года тому назад проект 1927 г. и которых он до настоящего времени не мог преодолеть.

5. Позвольте мне, м. г., напомнить вам, что проект 1927 г. сохраняет свое нынешнее зачаточное состояние уже в течение нескольких сессий. На III сессии окончание его первого чтения было отложено вследствие обнаружившихся разногласий. На IV сессии было найдено, что продолжать работу по этому проекту невозможно, вследствие неустранения этих разногласий. На V сессии было сообщено делегатом Франции и подтверждено делегатом Великобритании, что вне лона Комиссии намечается возможность соглашения по этим разногласиям, и в ожидании этого столь желанного события Комиссия решила вновь отложить свои занятия по проекту. С тех пор прошло больше года, и Председатель все еще не может нам сообщить ничего утешительного о нынешнем состоянии разногласий, вызванных проектом Комиссии. Насколько нам позволено знать, эти разногласия в общем не только не смягчились, но в настоящее время еще больше обострились, осложнившись новыми вопросами. Если Франция и Великобритания и нашли, путем переговоров, удовлетворяющие их собственные интересы решения, то вместо прежних разногласий выявились новые противоречия, на этот раз — между англо-французским компромиссным соглашением и точками зрения САСШ и Италии. Насколько нам позволено знать, переговоры для улажения этих противоречий даже еще не начаты.

6. На отмеченные мною только что факты я указывал в своих письмах на имя Председателя Комиссии от 20 августа и 6 декабря прошлого года. Я был не мало изумлен, когда в своем ответном письме г. Председатель Комиссии высказал мнение, что Комиссия может продолжать свою работу с успехом, лишь идя по ранее проложенным ею путям. Мне остается лишь позавидовать оптимизму г. Председателя, если он находит работу Комиссии до настоящего времени успешной. Если Комиссия будет работать с таким же успехом и дальше, то в разоружение, как в творение Подготовительной Комиссии Лиги Наций, мне кажется, перестанут верить самые яростные оптимисты.

7. В самом деле, допустим, что в ближайшие месяцы наступят такие «счастливые» обстоятельства, которые позволят Великобритании и Франции вступить в переговоры с

САСШ и рано или поздно довести их до благополучного конца. Где гарантия, что достигнутое таким путем соглашение окажется приемлемым для других государств, в переговорах не участвовавших? Я вспоминаю, что на последней сессии при сообщении о начатых тогда между Великобританией и Францией переговорах почтенный представитель Италии заявил, что его правительство ни в какой мере не будет связано соглашением, достигнутым без его участия, а ведь свое суждение об этом соглашении в праве иметь и остальные представленные в Комиссии государства. Кроме того, речь идет пока о разногласиях по одному лишь, правда весьма важному, пункту, но разногласий имеется еще немало, о чем красноречиво свидетельствуют варианты, поступившие после первого чтения проекта. Если все эти разногласия придется разрешать с помощью такой же длительной процедуры, как и первое разногласие, то для нумерации сессий Подготовительной Комиссии потребуются трехзначные числа, и проложенный Комиссией путь приведет куда угодно, только не к успешному концу.

8. Теперь совершенно очевидно, господа, что виной неустранимой безуспешности работ Комиссии является именно тот путь, которым комиссия шла до сих пор, тот метод, который положен в основу работ Комиссии. А основной порок этого метода заключается в том, что он вместо установления общего, справедливого и обязательного для всех стран коэфициента сокращения вооружений предусматривает индивидуальную фиксацию вооружений применительно к каждой отдельной стране, ко всем ее особенностям—политическим, географическим, стратегическим, экономическим и иным, при очевидной необходимости общего международного признания суб'ективных оценок потребностей каждого государства.

9. В этом смысле весьма поучительными являются результаты вопросника, разосланного Лигой Наций в 1921—22 г. о потребностях национальной безопасности; почти каждое государство сообщило, что его национальные потребности препятствуют ему сократить его военные силы. Все страны оказались в особом положении, при чем некоторые указывали даже на существование у них особых обязательств, зачастую ими самими себе «навязанных». При таком положении вещей, когда все страны оказываются в особом положении то в том, то в другом отношении в силу индивидуальных причин, становится ясной необходимость отыскания такого критерия, который не зависел бы от суб'ективных факторов , который не наносил бы ущерба ни одному государству и не пытался бы разрешить неразрешимой задачи получения всеобщего согласия на изменение существующего соотношения сил. Такой критерий можно найти только в советском проекте, а именно в предложении о пропорциональ-

ном сокращении всех вооруженных сил, с отступлениями лишь в пользу малых государств.

10. Принятие советского предложения о пропорциональном сокращении всех родов и категорий оружия, как уже раньше мною упомянуто, устранило бы те разногласия между морскими державами, которые в настоящее время задерживают работы Подготовительной Комиссии, и предотвратило бы такие же, если не более резкие, разногласия, которые иначе неизбежно возникнут в связи с разрешением проблемы сухопутных и воздушных военных сил.

11. С другой стороны, для Советской Делегации не является доказанным, что работы Комиссии, произведенные путем, которому нам предлагают следовать и дальше, непременно должны привести к какому бы то ни было сокращению существующих вооружений. В связи с этим Советская Делегация считала бы вполне своевременным внесение ясности в вопрос о том, какие цели вообще ставит себе Подготовительная Комиссия по Разоружению. Сомнения на этот счет создают как некоторые недавние заявления выдающихся государственных деятелей, так и упорное употребление Подготовительной Комиссией двойного и двусмысленного термина «ограничение и сокращение вооружений» и предполагаемое резервирование до конференции конкретных цифр разоружения. Термин «ограничение вооружений» не означает обязательного установления таких пределов, которые были бы ниже существующих вооружений, а допускает и такие, которые в общем не будут отличаться от существующих сейчас вооружений или, даже будучи выше их, оставят место для увеличения армий, флотов и военных бюджетов. Такое нормирование означало бы не уменьшение вооружений, а сохранение или даже увеличение вооружений и ничем не отличалось бы от попыток соглашения, которые делались еще до войны, как, например, предполагавшееся одно время установление между Великобританией и Германией морских вакаций и т. п. Конечно, подобные соглашения ничего общего не имеют с задачей, которую желала бы видеть перед Подготовительной Комиссией Советская Делегация, и ни в малейшей мере не отвечали бы стремлениям народов всех стран к устранению или, по крайней мере, к уменьшению угрозы войны. Если авторы и защитники проекта Комиссии ограничивают свою задачу такого рода соглашениями, то вполне понятна оппозиция, которую встречает советский проект конвенции, отличающийся от проекта Комиссии главным образом тем, что он прежде всего предусматривает немедленное обсуждение коэфициентов сокращения вооружений, т.-е. действительную подготовку значительного разоружения уже в ближайшее время.

12. Вот те главные соображения, которые побуждают Советскую Делегацию еще раз обратиться к Комиссии с призывом пересмотреть методы своей работы, недостатки которых не могут больше подлежать никакому сомнению, и стать на рекомендуемый Советской Делегацией путь. Против этого пути в Комиссии пока не делалось никаких возражений, кроме того, что этот путь новый. Советская Делегация не рассчитывает, однако, встретиться здесь в Комиссии с таким консерватизмом идей, при котором все новое непременно должно быть дисквалифицировано, как не заслуживающее внимания. Я заранее предвижу от кого-нибудь из делегатов формальную ссылку на резолюцию V сессии с ее сакраментальной фразой о необходимости следовать старым, проложенным путям. Вы, однако, не станете, господа, отрицать за любой делегацией права возбуждения вопроса о пересмотре ранее принятых Комиссией решений, в особенности, когда это делается через год и в свете новых фактов и обстоятельств. Мы еще на IV сессии, полтора года тому назад, считали возможным охарактеризовать так называемый «проложенный путь» Комиссии тупиком. Между IV и V сессиями не произошло ничего, что позволило бы нам переменить это мнение. На V сессии, однако, некоторым делегатам померещился где-то свет, и Комиссия решила, что из тупика может быть найден выход. Прошел год, померещившийся свет оказался миражем, и тьма в тупике еще более сгустилась. Позволительно поэтому спросить, нужно ли и дальше упорствовать и не изменять направления пути, хотя бы приходилось затрачивать излишний труд и время в попытках пробить выход из тупика, и не разумнее и не экономнее ли попытаться изучить новый указываемый нами путь, свободный, по крайней мере, от тех препятствий, которые в течение двух лет заграждали нам путь. Вы в праве сказать, что Советская Делегация также не может гарантировать беспрепятственного движения по указываемому ею пути. В ответ на это я могу сказать, что единственным препятствием в данном случае может оказаться лишь нежелание со стороны других правительств осуществлять разоружение, но при наличии такого нежелания какая бы то ни была работа Комиссии обречена на неудачу. Советский проект, однако, имеет то преимущество, что, предлагая одинаковое разоружение почти всем государствам, он затрудняет или даже делает невозможным отказ от разоружения со стороны того или иного правительства со ссылкой на ущерб, наносимый разоружением специальным интересам его страны.

13. Г. Председатель Комиссии вчера, в подтверждение необходимости ускорения работ Комиссии, ссылался на усиливающееся нетерпение рабочих организаций, требующих

скорейшего осуществления разоружения. Если г. Председатель полагает, что это движение является могущественным фактором в деле разоружения, то Советская Делегация первая с ним согласится в этом. Но это движение, несомненно, выиграет в своей силе, если Комиссией будут приняты такие методы работы, которые помогут вскрыть лицемерие и неосновательность ссылок того или иного правительства на мнимые национальные интересы, якобы препятствующие его стране разоружиться в такой мере, в какой согласны это сделать другие государства.

14. Наконец, требование Советской Делегации о пересмотре методов работы Комиссии и о переходе к обсуждению действительных вопросов разоружения находит дополнительное и новое оправдание в тех событиях, которые имели место за последний год, т.-е. за промежуток времени, отделяющий нас от V сессии. Я имею в виду, с одной стороны, усиление угрозы войны. Мы на эту угрозу указывали еще на IV сессии Комиссии, но тогда очертания этой угрозы, может быть, не обозначалась еще с такой резкостью и не отличались такой видимостью для всех, какими они являются сейчас. Эта угроза отнюдь не является выдумкой Советской Делегации. Я не хотел бы удлинять свою речь и утомлять ваше внимание, но, если бы вы пожелали, я мог бы вам привести бесконечное количество недавних цитат и изречений ответственнейших государственных деятелей не советских стран, членов парламентов, сенатов и многочисленные отзывы печати, свидетельствующие о возросшей за последний год тревоге. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно для стимулирования наших усилий к скорейшему осуществлению разоружения. С другой стороны, для разоружения создалась за этот год новая благоприятная кон'юнктура с точки зрения усиления той безопасности, которой Лига Наций и Подготовительная Комиссия придавали всегда совершенно исключительное значение. Пакт Келлога об отказе от войны в качестве орудия национальной политики стал фактом. Благодаря инициативе и особым усилиям Советского Правительства, этот пакт уже вступил в силу во взаимоотношениях между восьмью государствами и именно на том участке Европы, который считался наиболее угрожаемым. Правда, пакт Келлога еще не получил обязательной силы между всеми его участниками за отсутствием ратификации со стороны одного государства, но надо рассчитывать, что это препятствие в недалеком будущем исчезнет или будет так или иначе преодолено. Я отнюдь не склонен преувеличивать в качестве гарантии мира значение международных соглашений вообще и пакта Келлога—в частности. Мне не безызвестны, конечно, многочисленные нарушения международных договоров в прошлом, но, с другой стороны, я не

могу солидаризироваться с часто повторяющимися со стороны некоторых государственных деятелей попытками умаления значения пакта Келлога по сравнению с аналогичными международными соглашениями, тем более, что эти попытки делаются с целями, ничего общего с сохранением мира и со стремлением к разоружению не имеющими. Можно даже опасаться, что эти попытки делаются с целью создания оправдывающих или смягчающих обстоятельств на случай нарушения пакта об отказе от войны или для ослабления его значения в качестве отправного пункта в требовании о разоружении. В глазах Советского Правительства пакт Келлога о запрещении войны имеет для всех его участников не меньшую обязательную силу и представляет собой не меньшую гарантию безопасности, чем, скажем, локарнские соглашения или так называемые гарантийные договоры, рекомендуемые Лигой Наций, или иные международные соглашения. Из этого должна сделать соответствующие выводы Подготовительная Комиссия по Разоружению, которая считает гарантии безопасности существеннейшими для осуществления разоружения. Что касается Советской Делегации, то она считала и продолжает считать в настоящих условиях наиболее действительной гарантией мира всеобщее и полное разоружение. Проект конвенции такого полного разоружения Подготовительной Комиссией, к сожалению, был отклонен, и Советская Делегация сможет его вновь выдвинуть лишь на Международной Конференции по Разоружению, если она когда-либо будет созвана. Тем временем делегация вносит проект конвенции о пропорционально-прогрессивном сокращении всех вооружений, которое в значительной степени уже теперь уменьшит угрозу войны и сможет послужить этапом для дальнейшего разоружения. Этот проект я и рекомендую вниманию VI сессии Подготовительной Комиссии и прошу о его постановке в первый пункт порядка дня, но не для отклонения его по формальным соображениям или из страха перед его новизной, или из-за приверженности к старым, хотя и ошибочным путям, а для детального его изучения и обсуждения по существу. Я глубоко убежден, что только принятие этого предложения выведет комиссию из ее затруднений, вознаградит за напрасно потерянные время и работу и заставит признать, что Подготовительная Комиссия, наконец, действительно занялась вопросом о разоружении.

№ 2.

РЕЧЬ т. ЛАНГОВОГО ПО ПОВОДУ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА КОНВЕНЦИИ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ.

3 заседание, утром 17 апреля 1929 года.

Господин Председатель,

1. В своей вчерашней речи Председатель Советской Делегации имел случай дать общую характеристику проекта Советской Делегации о сокращении вооружений. Это позволяет мне сократить до известной степени свои вступительные замечания. Я лишь вкратце упомяну о том неоспоримом преимуществе, которое советский проект имеет перед проектом 1927 года. Преимущество это состоит в том, что он представляет собой конкретное предложение и вместо механического перечня того, чем должна будет заниматься Конференция по Разоружению, дает совершенно ясные предложения как методов, так и цифровых коэфициентов сокращения вооружений.

2. Облекая плотью и кровью то, что в проекте 1927 года представляет собой лишь схему, Советская Делегация не обманывается насчет того, что указанные ею конкретные цифры в процессе прений не будут оспариваться и нам не будет предложено их заменить другими. Я считаю особенно необходимым подчеркнуть тот факт, что упомянутые в проекте цифры не имеют абсолютного значения и являются лишь выражением стремления Советской Делегации к тому, чтобы сокращение вооружений привело к существенному изменению нынешнего положения, т.-е. к ощутимому уменьшению бремени милитаризма и угрозы войны.

3. В основу проекта положены нижеследующие принципы:

Советская Делегация, предложив проект сокращения вооружений после того, как ее проект полного уничтожения вооруженных сил был отвергнут, не видит никаких причин, вынуждающих говорить об ограничении тогда, когда невозможность или непреодолимая техническая сложность сокращения вооружений не доказана. По этим причинам советский проект от начала и до конца проникнут основным стремлением—сократить вооружения, а не легализировать их ограничением, тем более, что констатировано стремление некоторых держав обеспечить себе рост вооружений путем установления чрезвычайно высокого ограничительного предела. Сокращать, а не ограничивать—вот основной принцип советского проекта.

4. Это сокращение советский проект проводит путем пропорционального уменьшения всех видов вооруженных сил каждого из государств. При этом мы допускаем относительно меньшее сокращение вооружений малых стран, как не имеющих агрессивного характера и не представляющих значительной опасности для дела мира. Таким образом, сокращение в советском проекте касается быстро растущих вооружений в больших странах, наиболее проникнутых идеями милитаризма.

5. Многие из присутствующих здесь военных специалистов согласятся с нами, вероятно, в том, что все предметы вооружения, находящиеся на территории какого-нибудь государства, если они лишены элемента подвижности или могут быть передвинуты только после длительного промежутка времени, являются чисто оборонительными и что ряд видов и предметов вооружения, например, военные суда с ограниченным радиусом действия, имеют преимущественно оборонительный характер. С другой стороны, некоторые виды вооружений, например, дальнобойная артиллерия и авиация, главное предназначение которых—действовать против об'ектов, находящихся на неприятельской территории и т. п., несомненно, имеют, по существу, агрессивный характер. Признавая, что нет возможности установить ясную грань в терминологии между оборонительными и наступательными вооружениями, я скажу, во-первых, что к оборонительным вооружениям могут быть отнесены приспособления противохимической обороны или средства индивидуальной химической защиты, что агрессивными средствами военной техники на данное время могут быть признаны те достижения военной техники, которые недоступны неиндустриальным странам с невысоким уровнем производства, а потому доступны исключительно армиям империалистических держав. Стремление уничтожить преимущественно наступательные вооружения, оставляя по необходимости преимущественно оборонительные,—таков третий принцип советского проекта.

6. Нам здесь не раз приходилось слышать голоса о том, что то или иное мероприятие по сокращению вооружений затруднит ведение войны, а потому оно неприемлемо. Со всей возможной категоричностью я должен заявить, что всякое мероприятие, способное хотя бы в самой малой степени разрядить все более и более напряженную атмосферу послевоенных лет и хоть сколько-нибудь задержать начало новой чудовищной бойни, мы будем приветствовать, как громадное достижение, как реальную победу общественного мнения широчайших народных масс. Поэтому мы заранее отводим всякие упреки в том, что мы не считаемся с интересами войны. Советская Делегация пользуется этим слу-

чаем, чтобы заявить, что она стоит за организацию мира и противится всяким мерам, принимаемым к облегчению войны.

Позвольте перейти теперь к постатейному разбору и об'яснению советского проекта.

7. Основными идеями первого раздела первой главы советского проекта являются, во-первых, система прогрессивно-пропорционального сокращения вооружений, с разделением для этого всех государств на три группы (ст.ст. 1 и 2), и, во-вторых, предложение о сокращении обученных резервов.

Мы придаем весьма важное значение предложению советского проекта о сокращении обученных резервов как путем уменьшения в каждом возрасте общего числа военнообученных и офицеров, получивших подготовку в войсковом и во вневойсковом порядке (при помощи снятия с учета части резервистов и офицеров запаса и сокращения военных материалов, необходимых для снаряжения этих резервов), так и путем ликвидации военно-общественных образований, проводящих военное обучение населения.

Поскольку указанные организации требуют дополнительных мобилизационных мероприятий для приведения их в боевое положение, советский проект не рассматривает их, как вооруженные силы, находящиеся на действительной военной службе, но тем не менее предлагает их расформирование, поскольку они являются дополнительным, но весьма существенным средством подготовки массовых запасов людей, необходимых для колоссальных армий военного времени.

Ст.ст. 3 и 4 советского проекта перечисляют элементы, подлежащее сокращению в соответствии с коэфициентами ст. 2. Здесь я должен отметить, что советский проект, стремясь к получению максимального полезного для дела мира эффекта при применении настоящей конвенции, считает необходимым распространить ее действие на все основные элементы существующих вооружений, сокращая как общую численность сухопутных вооруженных сил, так и отдельные их виды (регулярные войска, милиция, организованные резервы и т. д.), войска в метрополии и в колониях, число организованных единиц и соединений, число офицеров, унтер-офицеров и проч. чинов и т. д.

8. Перехожу к вопросу о военных материалах. Центральным пунктом здесь, конечно, является предложение советского проекта о сохранении в качестве части вооружений существующих по табелям настоящего времени типов военных материалов (ст. 6). Этим кладется предел наблюдающейся в настоящее время лихорадке перевооружений и позорной для человечества погоне за новыми военными изо-

бретениями, весь практический смысл которых заключается в рекордном по сравнению с прошлым производстве орудий истребления.

Та же ст. 6 предлагает полное уничтожение танков и сверхдальней артиллерии большой мощности, как служащих преимущественно для агрессивных целей. Считаю нужным пояснить, что это предложение относится к сверхдальней артиллерии большой мощности, калибра 204 миллиметра и менее.

Советское предложение о прямом (не путем ограничения соответствующих расходов) сокращении военных материалов, как находящихся в войсках, так и имеющихся на складах и вообще на территории данного государства, вносит конкретный метод определения предельной нормы военных материалов, чего нет ни в каком другом проекте сокращения вооружений.

Позвольте перейти теперь к главе 2 советского проекта, трактующей о сокращении морских вооружений.

9. Мы считаем, что наш проект в морской его части идет гораздо более решительно и прямо к сокращению вооружений, нежели известные до сих пор другие предложения этого рода.

Мы предлагаем вовсе уничтожить наиболее агрессивный вид кораблей—авианосцы; мы лишь терпим до известного срока громадные линейные корабли, предлагая постепенную замену их судами в 10.000 тонн. Мы избрали именно 10.000 тонн в качестве предельной нормы для кораблей будущего, потому что, будучи установлена Версальским договором для Германии, она, очевидно, признана державами-победительницами в качестве нормы, которая, сохраняя для государства возможность создания достаточной обороны с моря, вместе с тем ставит известный предел агрессивности морских средств борьбы. Одновременно эта норма водоизмещения, связанная с дальнейшими предлагаемыми нами пределами для других элементов вооружений, дает некоторую гибкость для избрания державами, в соответствии с их нуждами, того или иного типа кораблей. Действительно, чисто морские державы уже сумели вложить в водоизмещение, близкое к этой цифре, элементы океанского крейсера. Государства же, более заинтересованные в охране своих собственных берегов, могут, ограничивая район плавания этих судов и их скорость, увеличить мощность их артиллерии и защиту.

Предлагаемый нами метод ограничения водоизмещения каждого судна (примеч. к ст. 16) ставит решительный предел таким возможностям скрытого обхода предельной нормы в 10.000 тонн, который наблюдается сейчас при применении вашингтонского метода «стандартного водоизмеще-

ния», благодаря которому крейсера в 10.000 тонн на самом деле имеют в полном грузе 14.000 тонн и более. Наш метод исчисления кладет более решительный предел возможности развития 10.000-тонного корабля в агрессивный вид морских вооруженных сил.

Мы идем во многих наших предложениях по ограничению боевых элементов судов будущего дальше известных нам проектов других держав. Ограничивая калибр артиллерии, отказываясь от аэропланов на военных судах, удлиняя сроки службы судов, — мы преследуем цели ослабления разрушительного действия морских боевых средств и сокращения расходов на морскую силу.

Предлагая немедленное уничтожение авианосцев, постепенную замену ныне существующих громадных линейных кораблей судами в 10.000 тонн, мы предполагаем ограничить предельный срок этой замены 1942 годом—годом, предусмотренным для некоторых держав заменяющими таблицами Вашингтонского договора.

Мы не считаем возможным предложить отказаться от подводных лодок впредь до полного и всеобщего разоружения всех флотов, признавая этот вид судов за оружие наименее мощных флотов, хотя мы и предполагаем ввести ограничения, придающие этому виду оружия в большей мере оборонительное, чем агрессивное значение.

О приемлемости ограничения подводных лодок в 600 тонн для двух морских держав говорит недавний проект англо-французского компромисса. При этом, однако, численность этих лодок им вовсе не ограничивалась, мы же наряду с ограничением водоизмещения каждой лодки предлагаем значительное сокращение размеров всего флота.

Мы не предлагаем ограничить калибр торпед, исходя из тех же соображений, но мы не возражали бы в случае соответственных требований со стороны других держав.

Если мы не упоминали о сокращении личного состава флота, то только потому, что считаем это сокращение вполне связанным с сокращением корабельного материального состава и, таким образом, как бы подразумеваемым.

Ст. 12 мы предлагаем сокращение флотов, исходя из наличного состава флота. Что касается зависимости размеров флота от стратегических, географических и других условий государства, то, исходя из опыта бесплодных попыток держав договориться о приемлемой для всех оценке этих условий, мы предлагаем не брать за исходные цифры всякого рода, «престижные цифры», «морские законы», судостроительные предположения и т. д.

В виду возможности сомнений в толковании ст. 16 нашего проекта, мы делаем следующее добавление:

«Государства, сокращающие флоты по цифрам общего глобального водоизмещения, имеют право замены кораблей новыми, не считаясь с классами и категориями, не выходя из пределов водоизмещения, предоставляемого этому государству».

При замене судов вследствие устарелости, согласно нашей статьи 16, необходимо следовать следующему правилу.

Государства, сокращающие свои флоты по категориям, имеют право взамен выходящего из строя устаревшего большого судна построить несколько малых, размером не превосходящих предельное водоизмещение судна данной категории. Государства, сокращающие флот глобально, производят замену любыми судами в пределах, указанных ст. 16, тонна за тонну.

Применяя оба метода сокращения (по категориям и глобально), мы исходим из логики. Применение «категорий» к малым флотам фактически неосуществимо и слишком нарушает их интересы. С другой стороны, в рамках больших правильно сложенных флотов «категории» удобны и естественны, не нарушая их интересов. Некоторые незначительные выгоды, которые будут при этом получаться более слабыми флотами, по сравнению с теми, которые сокращаются по категориям, поведут при каждой замене кораблей новыми к еще большей нивеллировке существующего неравенства.

Наш проект не указывает, в каких тоннах и по какому методу (вашингтонское «стандартное» или наше типовое) должны считаться приведенные в ст. 12 водоизмещения судов. Мы полагаем возможным для существующих судов, предусмотренных в этой статье, считать водоизмещение по «вашингтонскому стандарту», не требуя применения к этой статье примечания, сделанного к нашей статье 16. Это примечание трактует о судах, подлежащих постройке в будущем.

Перехожу к главе советского проекта о воздушных силах.

10. Общее и беспримерно быстрое развитие воздушных вооружений и повышение боевой мощи отдельных воздушных судов при непрерывно увеличивающемся радиусе их действия с полной очевидностью показывают, насколько опасным и разрушительным является этот вид вооруженной силы, в случае возникновения войны и насколько глубоко он передвигает границы театра военных действий, грозя разрушением не только об'ектам чисто военного значения, но и центрам экономической и культурной жизни воюющих государств.

Стремясь предотвратить эту разрушительную деятельность и всемерно ослабить грозящие мирному населению

опасности, советский проект кладет в основу своих предложений по сокращению воздушных вооружений отказ от наступательных воздушных сил, относя к последним в первую очередь бомбардировочную авиацию и дирижабли.

В соответствии с этим мы предлагаем разоружить все военные воздухоплавательные аппараты, которые легче воздуха, и ограничить мощность аэропланов таким пределом, который послужит самым действительным препятствием развитию агрессивных воздушных сооружений.

На этом основании мы вносим предложение об уничтожении авиационных бомб и других истребительных средств, предназначенных для сбрасывания с судов воздушного флота, с запрещением впред ьих производства и содержания в запасе военных воздушных сил.

Советский проект предлагает также ограничить запасы самолетов и моторов с таким расчетом, чтобы эти запасы обеспечивали лишь планомерное питание воздушных сил в мирное время, а не могли служить средством незаконного увеличения численности воздушных сил. В соответствии с сокращением числа действующих самолетов, мы предусматриваем сокращение личного состава военно-воздушных сил, численность которого с подразделением на основные категории (летный состав, специалисты и т. д.) должна быть определена особой конвенцией, равно как и разделение всех воздушных сил по месту их расположения (метрополия, заморские страны). Учитывая значение организованной авиационной промышленности в качестве основной базы для развития военно-воздушных сил, мы предлагаем ограничить производство военных самолетов и торговлю ими, что является существенной гарантией сохранения устанавливаемых конвенцией норм вооружения.

Наконец, наши предложения предусматривают ограничения, касающиеся гражданского военного флота, в том смысле, что гражданские воздушные суда по своей конструкции и оборудованию должны отвечать исключительно потребностям мирного их применения.

Совокупность всех этих мероприятий в высокой степени облегчит бремя все более и более возрастающих расходов на содержание и развитие воздушных вооружений и явится большим достижением по пути создания условий, обеспечивающих мирное сожительство народов.

11. Глава 4 советского проекта содержит в себе предложение о разорудовании промышленных предприятий, занятых выработкой приборов и веществ, специально предназначенных для ведения химической и бактериологической войны. Советская Делегация, само собой разумеется, учитывает возможность быстрого превращения предприятий гражданской химической промышленности в предприятия,

работающие для нужд войны, но считает, что уничтожение военной химической промышленности, связанное с обязательством всех государств не применять и в военное время химического и бактериологического оружия, явится несомненным и весьма реальным достижением по сравнению с существующим положением. 44 статья советского проекта, предлагающая установить контроль на производствах отдельных отраслей химической промышленности (по определению Межд. Пост. Контр. Комиссии), дает необходимые гарантии против тайного производства средств химической войны.

12. Ст. 5 нашего проекта, говорящая о сокращении военных бюджетов, не требует, по моему мнению, особенных пояснений. Основная ее идея—дополнительно обеспечить сокращение вооружений путем соответствующего сокращения военных бюджетов, что, несомненно, явится добавочным стимулом для проведения конвенции в жизнь, а с другой стороны—будет реальным выражением достижений конвенции в области облегчения налогового бремени.

Господа, я вполне сознаю, что приведенные мною короткие пояснения к советскому проекту конвенции не могут охватить всех тех вопросов, которые у вас возникнут при рассмотрении этого проекта.

Мне казалось желательным сократить вступительное слово, и я с удовольствие мотвечу вам на всякий вопрос, который явится у вас по этому предмету.

№ 3.

РЕЧЬ О ТРЕХ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА.

3 заседание, утром 17 апреля 1929 года.

Эта речь была произнесена т. Литвиновым непосредственно после помещенной выше речи т. Лангового.

Обсуждаемый вами проект конвенции находился у делегатов и их правительств больше года, и делегаты, несомненно, получили инструкции своих правительств по поводу этого проекта. Однако, повидимому, еще не наступил момент для подробного рассмотренния всех параграфов проекта конвенции, поскольку еще не обсуждались основные его пункты. Эти пункты, если разрешите их снова перечесть, следующие:

1) сокращение—я сказал бы: значительное сокращение—существующих вооружений,

2) проведение сокращения на основе пропорциональности, допускающей некоторое отклонение для менее защищенных и малых стран,

3) немедленное установление коэфициента пропорционального сокращения.

Я хотел бы предложить поэтому, чтобы Комиссия приступила к обмену мнений по этим трем основным пунктам, от принятия или отклонения которых, очевидно, зависит судьба проекта конвенции.

№ 4.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ТРЕХ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА.

4 заседание, вечером 17 апреля 1929 г.

Эта речь была произнесена т. Литвиновым в начале 4 заседания в ответ на выставленные на предшествующем заседании некоторыми делегатами возражения против основ советского проекта (см. док. № 3).

Обмен мнений на сегодняшнем утреннем заседании, в котором, к сожалению, приняло участие весьма малое количество делегатов, не выявил, на мой взгляд, никаких аргументов, которые давали бы основание для отклонения нашего проекта конвенции или для прекращения его обсуждения. Вряд ли можно признать серьезной аргументацией общие заявления о предпочтительности следования по старым, избитым тропинкам перед поисками новых путей и дорог. Подобные соображения можно приводить в любом обществе, в любой политической организации, при обсуждении любого вопроса или нового предложения. Конечно, следование по испытанным путям может обеспечить некоторое спокойствие работам Подготовительной Комиссии, но, как нам заявил в своей вступительной речи г. Председатель, отнюдь не создает ощущения спокойствия и безопасности у народных масс всех стран, живо интересующихся разоружением. Я не знаю, насколько спокойно чувствует себя весьма отдаленный от нас географически народ Чили, представитель которого сегодня выступал против нашего предложения, но я позволю себе заверить его, что этого спокойствия не знают народы Европы и других континентов.

Услышанные нами сегодня замечания нетрудно было предвидеть. Я предвосхитил их в своем вчерашнем заявлении. Те же замечания были высказаны на IV и V сессиях Комиссии, в связи с нашим предложением о полном разоружении. Да

простят мне авторы этих замечаний, если я скажу, что они сегодня звучат еще менее убедительно, чем в прошлом году. Тогда была еще некоторая надежда на выход из создавшегося в Комиссии положения, надежда на то, что «намеченный путь» куда-то Комиссию приведет, надежда, подкрепляемая указаниями на возможность близкого устранения встречаемых на этом пути препятствий. Нам предлагалось тогда сделать еще одно усилие, и Комиссия на это охотно согласилась, при чем это усилие выражалось в терпеливом бездействии.

Кто решится теперь поощрять нас такими надеждами? Кто станет утверждать, что имеются серьезные надежды ожидать исчезновения этих препятствий, наметить хотя бы приблизительно срок или указать средства, которыми наша Комиссия может содействовать наступлению этого желанного события? Несмотря на это, как я уже неоднократно отмечал, никто не может отнять у меня глубочайшего убеждения в том, что величайшие препятствия на намеченном пути еще далеко впереди, и если у Комиссии нехватит мужества приблизиться к ним, то уже Конференции по Разоружению не удастся их избежать.

Сущность замечаний уважаемых представителей как Японии, так и Франции, а также, вероятно, разделяемых и другими противниками нашего проекта, независимо от того, выскажут ли они свои взгляды или нет, состоит в том, что при разоружении необходимо исходить из особых нужд безопасности каждого государства в отдельности. Эту мысль в наиболее последовательной и яркой форме выразил здесь в Комиссии г. Сато, заявивший, что каждое государство само может и должно решать вопрос об условиях его безопасности, а следовательно — и о степени разоружения, соответствующей этим условиям. Но это ведь и есть то положение вещей, которое существует в настоящее время. Вряд ли мы можем заподозрить какое-либо государство в том, что оно содержит и оплачивает большее количество военных, морских, воздушных и иных вооружений, чем оно считает необходимым для своей безопасности. Стало быть, по мысли г. Сато, ничего не остается делать, как увековечить status quo. Логически рассуждая, авторы подобных идей должны выступать даже против ограничения вооружений, ибо, если какое-либо государство вследствие изменившихся обстоятельств решит, что защита его безопасности требует дальнейшего увеличения вооруженных сил, то, будучи само судьею в этом деле, оно не должно допускать вмешательства других стран или каких-либо международных органов в его решения. Следуя этому порядку идей, Комиссия неизбежно придет к отказу от разоружения и даже к отказу от ограничения вооружений.

Я отнюдь не думаю, что г. Сато тут неправ. При нынешнем международном положении, в переживаемую нами эпоху империалистического капитализма, при существующих политических и экономических антагонизмах между государствами, при разделении этих государств на отдельные группировки, коалиции и союзы, нужно быть совершенно безнадежным оптимистом, если не сказать утопистом, чтобы допустить, что какое-либо государство позволит другим государствам или даже какой-либо международной организации устанавливать степень его безопасности и об'ем средств, необходимых для его защиты. Исходя из этой вполне правильной мысли, г. Сато, я прихожу к совершенно другому выводу—о невозможности разрешения проблемы разоружения субе'ктивными методами, суб'ективными критериями. Г. Сато неизбежно приходит к заключению о невозможности разоружения в международном масштабе, я же отсюда делаю вывод о необходимости нахождения такого общего критерия разоружения, который не нарушил бы безопасности ни одного государства. Таким критерием могут быть только беспристрастная математическая величина и принцип пропорциональности.

Еще во время обсуждения нашего проекта о полном разоружении я заявил, что человек чувствует себя безопаснее в обществе безоружных людей, чем в окружении вооруженных соседей. То же применимо и к государствам, и поэтому я считаю, что максимальную безопасность дает только полное разоружение. Но и при временном сохранении вооружений государство в оценке своей безопасности не может не считаться со степенью вооружений своих соседей. Оно увеличивает свои собственные вооружения по мере роста вооружений его соседей, стало быть, оно может и должно уменьшать их по мере сокращения вооружений окружающих его государств. Всеобщее сокращение вооружений по одному и тому же принципу, в одинаковой пропорции, мне кажется, ни в какой мере не нарушает безопасности какого-либо государства и не изменяет существующего соотношения сил. Это мнение кажется мне до того элементарной истиной, что я испытываю неловкость, останавливаясь на ней.

Представитель Франции пытался критиковать отдельные и при том наименее существенные статьи нашего проекта конвенции. Я не сомневаюсь в несовершенстве нашего проекта и в возможности его улучшения и поэтому приветствую всякие замечания и предложения. Если Франция считает невозможным подписание конвенции о разоружении до заключения конвенции о полицейской, лесной, таможенной и т. п. страже, то я охотно соглашусь на создание специальной комиссии для изучения этого вопроса и разработки дополнительной конвенции с тем, чтобы обе эти конвенции могли

быть подписаны одновременно. Г. Массильи также высказал опасение, что при предлагаемых нами разных коэфициентах изменится соотношение сил между отдельными государствами, при чем количество вооруженных сил одного государства будет превышать вооруженные силы другого государства, которое раньше было сильнее его в военном отношении. Теоретически это, конечно, вполне возможно, но если г. Массильи возьмет на себя труд сравнить результаты предлагаемого нами сокращения применительно ко всем существующим странам, то он убедится в неосновательности своих опасений. Он убедится также в том, что взятые нами цифры в 200.000 и в 40.000 не случайны и что они нами выбраны именно потому, что при них не получится такого изменения соотношения сил, которого он опасается.

Я, кажется, исчерпал все возражения, высказанные сегодня делегатами. Сравнение нашего предложения с попыткой поставить телегу впереди коня, может быть, образно, но оно ничего не опровергает. То, что мы на самом деле предлагаем, это выпрячь лошадей, которые оказались слишком слабыми и немощными, чтобы тянуть телегу нашей Комиссии. Телега эта застряла на одном месте, и мы предлагаем взять новых лошадей для того, чтобы вытащить ее из трясины и двинуться, наконец, по пути к разоружению. Кто-то из ораторов пугал нас возможностью появления новых предложений и в ужасе останавливался перед мыслью о необходимости изучения и разработки этих предложений. Лично я приветствовал бы всякое новое предложение, которое указывало бы пути к намеченной нами цели. Но зачем пускаться в метафизику? Конкретно имеется лишь одно предложение— советский проект конвенции. Отклонив его, вы фактически ни по какому пути не пойдете, ибо останетесь на том же самом месте, на которое старый путь завел вас еще два года тому назад. Перед Комиссией стоит вопрос о том, должна ли она заниматься подготовкой Конференции по Разоружению или же она должна продолжать свое бездействие.

Как ultimo ratio, некоторые делегаты выдвигают аргументы со ссылкой на мандаты, запрещения и т. п. Не желая вести споров с ними на этой почве, я ограничусь указанием на неосновательность этих самых ссылок. Со своей стороны, сошлюсь на делегата Соединенных Штатов, который уже на первой сессии Комиссии заявил, что Комиссия сама может предлагать правительствам цифры для разоружения.

Сегодня здесь было сделано предложение о передаче вопроса в комиссию экспертов. Это предложение было бы понятно в том случае, если бы мы теперь впервые вносили свой проект конвенции. На самом же деле проект конвенции был нами внесен еще 13 месяцев тому назад, был рекомендован V сессией всем правительствам для изучения и,

несомненно, изучен всеми делегациями и их военными экспертами; поэтому предложение о сдаче в комиссию нам кажется излишним и запоздалым. Как мною сегодня утром уже отмечено, Комиссии необходимо раньше всего высказаться по основным принципам нашего предложения: желает ли она признать необходимость сокращения вооружений и положить в основу сокращения принцип пропорциональности, а также установить теперь же цифровые коэфициенты сокращения вооружений. Эти вопросы политического, а не военного порядка. Если Комиссия действительно желает сделать шаг вперед, она не должна уклоняться от ясного и недвусмысленного ответа на этот вопрос.

Было бы лишь полезно создать подкомиссию для разрешения могущих возникнуть разногласий о деталях, после обсуждения основных статей Комиссией и их принципиального принятия.

№ 5.

РЕЧЬ О НЕОБХОДИМОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАЖДЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СВОЕГО ОТНОШЕНИЯ К ВОПРОСУ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ.

4 заседание, вечером 17 апреля 1929 г.

Эта речь была произнесена тов. Литвиновым после того, как г. Лоудон заявил, что имеет ясное впечатление, что большинство Комиссии не склонно изменить метода ее работы и класть в основу советский проект, и что он предлагает без голосования перейти к рассмотрению следующего пункта порядка дня.

Я не сомневаюсь в том, что наш Председатель обладает средствами, чтобы быть в курсе мнений и пожеланий различных делегаций. Я лично не знаю, что думают разные делегации о наших предложениях, за исключением тех делегаций, представители которых выступали сегодня в Комиссии. Мне известно, что представители Японии, Чили и Франции высказались против наших предложений. С другой стороны, представитель Германии выступал весьма красноречиво — в пользу наших предложений. Что думают о наших предложениях другие делегации, мне неизвестно, но, безусловно, это представляет некоторый интерес не только для меня, но и для всего мира. Я думаю, что мы принесли бы огромную пользу делу разоружения и делу мира, если бы

приняли, как правило, что все правительства, представленные в Комиссии, должны каждое в отдельности взять на себя ответственность за каждое принятое здесь решение и должны быть лишены возможности скрываться за спиной Комиссии. Я считаю, что для Председателя важно предоставить каждой делегации возможность высказаться в ту или иную сторону по вопросам, возбужденным Советской Делегацией.

В одном я согласен с Председателем: я не настаиваю на том, чтобы голосование происходило сегодня. Я не возражаю против того, чтобы оно было отложено до завтрашнего заседания, но я желал бы иметь определенное решение Комиссии, основанное на мнениях, выраженных присутствующими здесь различными делегациями.

№ 6.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ.

17 апреля 1929 г.

В конце 4 заседания, вечером 17 апреля 1929 года, председатель Комиссии просил Советскую Делегацию сделать свои предложения в письменной форме, что и вызвало представление помещенного ниже проекта.

Желая возможно больше уточнить стоящую перед ней задачу, заключающуюся в подготовке скорейшего и максимально успешного разрешения проблемы разоружения, Подготовительная Комиссия к Конференции по Разоружению решает:

1. Проект конвенции, имеющий быть представленным Конференции по Разоружению, выработать на основе существенного сокращения нынешних вооруженных сил.

2. Включить в проект Конвенции методы сокращения вооружений, основанные на принципе пропорциональности или на другом критерии такого же об'ективного характера, одинаково применимого ко всем государствам, с допущением некоторых отступлений лишь в пользу малых, недостаточно защищенных государств.

3. Включить в проект конвенции цифровые коэфициенты сокращения вооружений.

№ 7.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННОГО СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ (см. документ № 6).

5 заседание, 18 апреля 1929 г.

Я не стану отнимать у вас времени, господа, новыми речами, так как полагаю, что Советская Делегация полностью раз'яснила свою точку зрения. Я попытаюсь поэтому весьма кратко раз'яснить цель и смысл предложенной нами резолюции.

1. Первым пунктом мы желали бы побудить Комиссию заявить точно и во всеуслышание, что она подготовляет для Конференции по Разоружению схему, предусматривающую не ограничение дальнейшего роста вооружений, а сокращение существующих. В этот вопрос необходимо внести ясность. Необходимо, чтобы широкое общественное мнение знало, наконец, чем, собственно, занимается Подготовительная Комиссия, имеющая уже свою VI сессию, и Комиссия должна показать, что она оправдывает, по крайней мере, свое название, в котором фигурирует слово «разоружение». Ограничение вооружений не есть разоружение. Отрицательный ответ на первый пункт нашей резолюции должен будет иметь своим логическим следствием изменение названия как Комиссии, так и предстоящей Конференции. Ответ должен быть, конечно, недвусмысленный, чтобы голосующие против не могли утверждать, что они все же стоят за сокращение вооружений. Голосование должно точно отражать мнение представленных в Комиссии правительств, которые имели достаточно времени для принятия по этому вопросу определенного решения. Понятно, не всякое сокращение вооружений будет служить оправданием работы Комиссии и Конференции по Разоружению и соответствовать требованиям народных масс, как средство для уменьшения угрозы войны и облегчения бремени милитаризма. Советская Делегация, внесшая в прошлом году предложение и в будущем намеревающаяся вносить предложения о полном и всеобщем разоружении, может быть только удовлетворена сокращением вооружений, которое действительно почувствуют все народы всех стран и облегчит напряженную атмосферу настоящего международного положения.

2. Второй пункт трактует о методах сокращения вооружений, которые Подготовительная Комиссия должна будет

предложить Конференции по Разоружению. Я мыслю лишь следующие три метода сокращения вооружений:

а) Индивидуальный метод, при котором каждое государство само решает для себя, может ли оно и в какой степени разоружаться. На этом методе я особенно останавливался в своей вчерашней речи, сославшись на идеи, которые развивали здесь уважаемые представители Японии, а также и другие делегаты. Этот метод, очевидно, делает излишним созыв какой бы то ни было конференции, а следовательно— и работы Подготовительной Комиссии, ибо в конечном счете все решается исключительно самим государством, вне какого-либо общего плана сокращения вооружений. Этот метод не допускает даже сокращения вооружений.

б) Второй метод состоит в том, что Подготовительная Комиссия или Международная Конференция навязывают каждому государству в отдельности, совершенно произвольно или основываясь на тех или иных соображениях, опять-таки более или менее произвольных, тот или иной уровень вооруженных сил. Сомневаюсь, чтобы нашлись люди, а тем более государства, которые поверили бы в возможность такого беспристрастия и справедливости со стороны международной организации, на суждение которой они могли бы представить заботу о своей безопасности. Этот метод, между прочим, применяется в переговорах о морском соглашении между Великобританией, Францией и САСШ с известными вам результатами. При этом надо иметь в виду, что там не идет даже речь о сокращении вооружений, а лишь об ограничении по отдельным типам судов. Но то, что могло бы еще удасться в переговорах нескольких стран, абсолютно обречено на неудачу при необходимости соглашения между 60 государствами. Этот метод тоже явно ведет к полному банкротству проблемы разоружения.

в) Третьим методом предусматривается применение вполне определенного, заранее установленного, беспристрастного и применимого ко всем государствам общего критерия, при полном сохранении существующего соотношения сил, а следовательно, не наносящего ущерба интересам ни одного государства.

Этот метод, как единственно осуществимый и единственно могущий вести к разрешению проблемы разоружения, и рекомендуется Советской Делегацией. Конкретно этот метод может осуществляться по-разному. Советская Делегация предлагает принцип пропорциональности. Не желая, однако, связывать комиссию этой разновидностью общего критерия, имея в виду возможность новых предложений в этой обла-

сти, как, напр., предложение, внесенное Турецкой Делегацией, Советская Делегация изложила соответственные пункты своей резолюции таким образом, чтобы за нее могли голосовать все признающие необходимость общего критерия, но не желающие уже теперь связывать себя принципом пропорциональности.

3. Недостаточно, однако, установить метод сокращения вооружений, необходимо также принять решение о степени сокращения. Сокращение может быть произведено пропорционально на 50%, как это предлагает Советская Делегация в отношении крупных держав, или в меньшей степени. Советская Делегация предлагает, чтобы этот цифровой коэфициент или соответственная формула о сокращении вооружений были включены в подготовляемый для Конференции проект конвенции. Это является наиболее существенным пунктом проблемы разоружения, способным вызвать наибольшие споры. По нашему мнению, эти споры должны быть сосредоточены в Подготовительной Комиссии, если мы желаем, чтобы предстоящая Конференция по Разоружению приняла окончательное решение. Не подлежит ни малейшему сомнению, что если этим вопросом не займется Подготовительная Комиссия, то Конференция, которая будет состоять из представителей приблизительно 60 государств, не сможет сговориться. Нас вчера г. Сатто, правда, утешал мыслью о возможности целого ряда конференций по разоружению, по примеру сессий Подготовительной Комиссии. Само собой разумеется, что международные конференции не могут чередоваться с такой быстротой, как сессии Подготовительной Комиссии, и, таким образом, рисуемая нам г. Сато перспектива предусматривает, вероятно, жизнь целого поколения для осуществления хотя бы первого этапа по пути разоружения. Кого эта перспектива не прельщает и кто желает видеть разоружение осуществленным уже в ближайшее время, в соответствии с требованиями народных масс всех стран, тот, конечно, будет голосовать за этот пункт нашей резолюции. Я полагаю, однако, что никакая международная конференция, благодаря своему об'ему и структуре, не сможет заниматься такими вопросами, как установление общего коэфициента, если она не будет иметь перед собой определенных предложений, прошедших через какую-либо комиссию. Таким образом, в лучшем случае, Конференция по Разоружению будет вынуждена создать новую Подготовительную Комиссию для изучения этого вопроса и для выработки предложений. Кто близко принимает к сердцу дело разоружения и стремится к ускорению его осуществления, выскажется за то, чтобы этим вопросом занималась уже нынешняя Подготовительная Комиссия.

4. Вот, господа, те основные принципы, которые Советская Делегация предлагает Комиссии положить в основу ее дальнейших работ.

5. Это означает, конечно, расширение размаха работ Комиссии, но означает также вступление на путь действительной подготовки разрешения проблемы разоружения, подготовки материала для будущей Конференции по Разоружению, абсолютно ей необходимого для успеха ее дела. Только при таком расширении программы работ Комиссии будет создана возможность осуществления тех новых предложений, которые уже поступали в Комиссию, как, напр., со стороны Китайской и Турецкой Делегаций, так и тех предложений, которые и дальше еще, наверное, будут поступать и которых мы не должны пугаться.

Я желал бы здесь ответить вкратце моему коллеге из Турецкой Делегации. К сожалению, я поздно пришел и слышал только его последние замечания, из которых и делаю тот вывод, что он хотел сказать, что, принимая вторую часть советской резолюции, Комиссия отвергает турецкое предложение. Я считаю, что как раз наоборот: отклонение второй части резолюции, предложенной Советской Делегацией, делает невозможным рассмотрение предложения Турецкой Делегации. Наоборот, если эта вторая часть принимается, Турецкая Делегация будет иметь возможность поставить на обсуждение свое предложение. Отклонение наших трех принципов и жесткое следование по проторенной дорожке сводит работу Комиссии к роли технического органа, занимающегося составлением списков всех существующих и возможных родов оружия при полной неизвестности тех целей, для которых эти списки подготовляются.

6. Искренно стремясь к сотрудничеству с остальными членами Комиссии, я в своей резолюции избегал включения каких-либо новых пунктов, могущих вызвать разногласия, и поэтому сократил вступительную часть резолюции до минимума. Что касается техники голосования, то я позволю себе предложить, чтобы были поставлены перед делегатами отдельно все три вопроса, а не вся резолюция en bloc. Легко себе представить, что некоторые делегаты, голосуя за одни выставленные нами принципы, выскажутся, однако, против остальных. Результаты этого голосования, однако, определят характер работ Комиссии и пригодятся как при обсуждении советского проекта конвенции, так и в случае перехода ко второму чтению проекта 1927 года.

7. Одним словом, предстоящее голосование означает за или против разоружения.

№ 8.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПО ПОВОДУ ОТКЛОНЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА КОНВЕНЦИИ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ.

19 апреля 1929 г.

На пятом заседании, 18 апреля, делегат Чехо-Словакии Фирлингер внес предложение о том, чтобы вместо выражения точки зрения каждой делегации Президиум дал отзыв о совместимости основных положений советского проекта с полномочиями Комиссии по Разоружению.

На шестом заседании Президиум внес свой контрпроект резолюции, об'являвший, что Комиссия по Разоружению имеет задачей сокращение вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением. Резолюция не находила возможным принять метод пропорционального сокращения вооружений и установления в Комиссии конкретных цифр. Резолюция предлагала продолжать рассмотрение своего проекта 1927 г., оставляя Советской Делегации возможность вносить свои поправки в проект Комиссии, а также, в случае желания Советской Делегации, представить советский проект Конференции.

Резолюция Президиума была принята большинством Комиссии, кроме голосов СССР, Турции и Китая. Когда тов. Литвинов просил слова, чтобы на следующем заседании сделать декларацию по поводу отклонения советского проекта, председатель не из'явил на это своего согласия и просил сообщить декларацию в письменной форме с тем, что она будет сообщена членам Комиссии. Это и вызвало посылку помещаемой ниже декларации в письменном виде.

Принятие сегодня Подготовительной Комиссией резолюции, положившей конец только что начатому обсуждению советского проекта частичного сокращения вооружений и лишившей делегации возможности высказаться определенно по основным вопросам разоружения, побуждает Советскую Делегацию сделать следующее заявление.

1. Советская Делегация начала сотрудничать с Подготовительной Комиссией около 1½ лет тому назад, начиная с IV сессии. Хотя не было внесено на рассмотрение этой сессии других вопросов, касающихся непосредственно разоружения, обсуждение представленного Советской Делегацией

проекта конвенции о всеобщем и полном разоружении было отложено до следующей V сессии.

2. V сессия занялась обсуждением упомянутого проекта конвенции, при чем мнения высказаны были значительным количеством делегаций, но уже при поднятии основного вопроса о желательности проведения полного разоружения советский проект был отклонен. Никаких существенных доводов против проекта не было выставлено, за исключением указаний на необходимость содержания войск для подавления гражданских войн и народных восстаний, а также делались ссылки на статут ыи инструкции Лиги Наций, якобы не позволяющие Подготовительной Комиссии заниматься вопросом о всеобщем разоружении.

3. Советской Делегацией был тогда внесен новый проект конвенции, на этот раз—о частичном разоружении. Предложение Советской Делегации о немедленном обсуждении ее проекта было отклонено, хотя в аналогичных случаях вносившиеся другими делегациями в Подготовительную Комиссию предложения подвергались немедленному обсуждению. Без всякой мотивировки V сессия решила отложить обсуждение советского проекта до VI сессии, хотя никаких других вопросов, касающихся разоружения, в порядке дня V сессии не было.

4. Вопреки требованию Советской Делегации, для следующей сессии не было намечено никакого определенного срока, и созыв ее был предоставлен на усмотрение Председателя и поставлен в зависимость от исхода некоторых переговоров, которые тогда велись между двумя государствами. По прошествии 5 месяцев мною был послан запрос Председателю Подготовительной Комиссии о причинах несозыва VI сессии. Этот же запрос был мною повторен через дальнейшие 4 месяца в виду того, что Комиссия не созывалась, несмотря на то, что вышеупомянутые переговоры, в зависимость от которых, как предполагали, был поставлен созыв сессии, оказались уже законченными.

5. VI сессия была созвана Председателем спустя лишь 13 месяцев после V сессии. Советский проект конвенции о частичном сокращении вооружений был подвергнут обсуждению в течение 3 заседаний, при чем в прениях приняли участие всего 7 делегатов, из которых некоторые высказались за дальнейшее обсуждение проекта, другие же, высказавшись против, не могли выдвинуть никаких существенных доводов ни против основных принципов проекта, ни против проекта в целом. Советская Делегация предложила остальным делегациям определить свое отношение к таким вопросам, без решения которых никакой план сокращения вооружений не может быть составлен. Со стороны некоторых делегатов были сделаны попытки обосновать отклонение

голосования по этим вопросам статутами Лиги Наций и ограниченной компетентностью Комиссии. Хотя по требованию этих же делегатов Бюро Комиссии дало заключение о полном соответствии поставленных Советской Делегацией вопросов полномочиям Комиссии и характеру ее работ, тем не менее голосование, которое отражало бы мнение делегаций и их правительств, произведено не было, вследствие чего несколько заседаний, занимавшихся обсуждением советского проекта, оказались затраченными без всяких результатов. Более того, вся IV, V и часть VI сессии оказались совершенно бесплодными, не приняв ни одного окончательного решения, которое хотя бы на один шаг приблизило нас к разрешению проблемы разоружения. Это было неизбежно в виду отклонения обоих советских проектов и всех вообще предложений Советской Делегации, при отсутствии у Комиссии каких бы то ни было других проектов, по которым она могла бы с какой-либо пользой продолжать свою работу. Разработанный III сессией Комиссии проект конвенции вызвал, благодаря своей неопределенности и отсутствию в нем каких-либо об'ективных критериев для разоружения, такие разногласия, которых заинтересованным правительствам не удалось разрешить в течение свыше двух лет и которые не обещают исчезнуть и в ближайшее время.

6. В своих заявлениях от 30 ноября 1927 г. на IV сессии и от 19 марта 1928 г. на V сессии Советская Делегация дала исчерпывающую оценку работам, проделанным Комиссией до означенных дат. Под эту же оценку подпадает и вся работа Комиссии до настоящего времени. Эта оценка полностью подтверждает тот скептицизм, с которым Советское Правительство приняло приглашение Лиги Наций к участию в Подготовительной Комиссии. Советская Делегация вынуждена, к сожалению, констатировать на основании опыта сотрудничества с Подготовительной Комиссией, что и предстоящая работа Комиссии вызывает в ней такой же скептицизм. Советская Делегация в настоящее время более, чем когда-либо, убеждена в том, что намеченные Подготовительной Комиссией пути и методы не могут привести ее к разрешению стоящей перед нею задачи. Комиссия уже два года топчется на одном месте и даже по намеченным ею самой путям двигаться дальше не может, вследствие встретившихся препятствий, каковые она сможет обойти или преодолеть лишь для того, чтобы неизбежно натолкнуться на новые. Советская Делегация убеждена, что, идя по этим путям, Подготовительная Комиссия не сумеет подготовить для Конференции по Разоружению необходимого материала или такого материала, который позволил бы Конференции по Разоружению принять какие-либо полезные решения. Единственным результатом подобной деятельности Подготови-

тельной Комиссии окажется лишь затягивание на бесконечное время дела разоружения или же подготовка провала Конференции по Разоружению. Но эта деятельность имеет еще и то отрицательное значение, что она скрывает от взоров широких народных масс, требующих разоружения, политику правительств, представленных в Подготовительной Комиссии, направленную в большинстве случаев к недопущению какого бы то ни было сокращения вооружений. Таким образом, Подготовительная Комиссия как бы служит ширмой, скрывающей нежелание правительств сокращать свои вооружения, снимая с них ответственность за сопротивление разоружению.

7. Сознание этих фактов могло бы оправдать уход Советской Делегации с Подготовительной Комиссии. Если она решает, однако, оставаться в Подготовительной Комиссии, то, главным образом, по те мже соображениям, по которым Советское Правительство, при всем своем отрицательном отношении к Лиге Наций и к ее органам, послало делегацию в Подготовительную Комиссию по Разоружению, а именно чтобы не давать никому повода приписывать безуспешность и безрезультатность работ Подготовительной Комиссии и самой Конференции по Разоружению неучастию в них представителей Советского Правительства. Общественное мнение всего мира должно знать, что Советская Делегация с первого же дня своей работы в Подготовительной Комиссии приняла в ней самое активное участие, внося конкретные и вполне осуществимые предложения в направлении максимального разоружения, критикуя всяческие доводы, которые приводились против разоружения, разоблачая всех тех, кто под различнейшими предлогами и при помощи софистических рассуждений мешает делу разоружения. Эту свою задачу Советская Делегация намерена выполнять и впредь, отдавая себе полный отчет в совершенной несерьезности и бесполезности той работы, которой Комиссия будет заполнять свои заседания и сессии до тех пор, пока будут игнорироваться конкретные предложения, сделанные Советской Делегацией. Советская Делегация остается в Подготовительной Комиссии в надежде на то, что представленные в ней другие правительства под давлением общественного мнения и, главным образом, требований рабочих организаций будут вынуждены дать свое согласие, если не на полное разоружение, то на существенное сокращение вооружений, когда их представителям в Подготовительной Комиссии неизбежно придется вновь обратиться к тем самым советским предложениям, которые они в силу нынешних инструкций своих правительств до сих пор отклоняли.

Председатель Делегации СССР

Женева, 19 апреля 1929 г.

№ 9.

ПИСЬМО т. ЛИТВИНОВА г. ЛОУДОНУ ПО ПОВОДУ ОСОБОГО ПОЛОЖЕНИЯ, В КОТОРОЕ ПОСЛЕДНИЙ СТАВИТ СОВЕТСКУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ.

20 апреля 1929 г.

В течение первых дней сессии Председатель Комиссии по Разоружению г. Лоудон допустил ряд действий, ставивших Советскую Делегацию в особо по сравнению с другими делегациями неблаприятное положение. Соответственные факты приводятся в помещенном ниже документе.

На приводимое письмо т. Литвинова г. Лоудон 24 апреля 1929 г. ответил письмом, в котором подтверждал факты, на которые указывал т. Литвинов, но не приводил удовлетворительных об'яснений (напр., г. Лоудон писал, что он не знал, что тов. Ланговой является членом Советской Делегации). Письмо тов. Литвинова все же возымело свое действие, так как после него г. Лоудон внешне изменил свое обращение в отношении Советской Делегации.

Господин Председатель,

На 3-м заседании настоящей сессии, после того, как член Советской Делегации г-н Ланговой с вашего разрешения дал техническое обоснование советскому проекту конвенции о сокращении вооружений, вы, господин председатель, публично обратили мое внимание на недопустимость выступления в комиссии членов делегаций в присутствии первых делегатов. Такое правило мне совершенно не было известно, ибо и на IV, и на V сессиях выступал в моем присутствии второй советский делегат, г-н Луначарский, не вызвав с вашей стороны никаких замечаний. Можно было бы полагать, что это правило принято вами, лишь начиная с нынешней VI сессии, однако на последних заседаниях Комиссии выступал от имени Бельгийской Делегации в присутствии первого делегата, барона Моншера, числящийся в официальном списке Комиссии вторым делегатом барон Ролэн-Жакемен. Равным образом, на 5-м заседании говорил от имени Турецкой Делегации ее второй делегат, г-н Мунир Бей, в присутствии первого делегата, опять-таки не вызвав никаких за-

мечаний с вашей стороны. Я, конечно, не имею, никаких возражений против выступлений г-на Ролэна-Жакемена и г-на Мунир Бея или каких-либо других членов делегаций, но может создаться впечатление, что установленный вами регламент неодинаково применяется к Советской и к остальным Делегациям.

Я позволю себе, однако, обратить ваше внимание, г-н Председатель, и на другое, более важное, обстоятельство такого же порядка. Когда, вследствие принятия Комиссией резолюции о вторичном отклонении советского проекта конвенции, я просил разрешения сделать на следующем заседании Комиссии заявление об отношении Советского Правительства и Советской Делегации к работам Комиссии, вы сочли возможным мне в этом отказать, предложив сделать это заявление в письменной форме, каковому распоряжению я подчинился. Однако, на этом же заседании во время прений по второму пункту повестки дня (о печатании военной информации) первый британский делегат, лорд Кашендун, произнес длинную речь об отношении его правительства к работам Комиссии — речь, не имевшую никакого отношения к обсуждавшемуся вопросу и даже не заключавшую в себе ни одного упоминания о последнем. Эта речь, тем не менее, не вызвала с вашей стороны никаких замечаний, и при дальнейших выступлениях лорда Кашендуна, вы, нисколько не опасаясь повторных нарушений им порядка дня, не спрашивали его заранее о теме его речи. Когда же я на следующем заседании попросил слова, вы поинтересовались заранее узнать о содержании моей речи, и, узнав, что я хочу коснуться только что обсужденного вопроса порядка дня, вы сочли нужным обратиться к Комиссии с запросом о моем праве говорить по пункту порядка дня, вами непосредственно перед этим об'явленному формально отсроченным, хотя я записался к слову по этому вопросу еще накануне, а также в тот же день просил слова еще до закрытия вами дебатов.

Я считаю необходимым отметить эти факты, свидетельствующие о попытках поставить Советскую Делегацию в особые условия, затрудняющие ее участие в работах Подготовительной Комиссии.

Советская Делегация, конечно, не может и не будет мириться с подобным положением, нарушающим принцип равноправия для всех делегаций, о чем считает необходимым теперь же предупредить вас, господин Председатель, и Подготовительную Комиссию.

Настоящее письмо прошу вас не отказать довести до сведения членов Подготовительной Комиссии.

Подпись: **Литвинов.**

№ 10.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ.

20 апреля 1929 г.

Начиная с конца 7 заседания 20 апреля, Комиссия по Разоружению приступила ко второму чтению своего проекта конвенции по ограничению вооружений, составленного в 1927 г. Вначале обсуждалась глава IV — о химической войне. Пункты 1 и 2 этой части воспроизводили Женевский протокол 17 июня 1925 г. о воспрещении химической и бактериологической войны, а п.п. 3 и 4 касались подготовки к этим видам войны в мирное время.

Советская Делегация представила помещенное ниже предложение, состоявшее из двух частей:

I. проекта резолюции об ускорении ратификации протокола 1925 г. и

II. проекта дополнительного протокола, воспроизводившего с некоторыми изменениями ст.ст. 31, 32 и 44 советского проекта конвенции о сокращении вооружений.

После долгих прений Комиссия сохранила с незначительными поправками п.п. 1 и 2 главы IV, о химической и бактериологической войне. Она не только не приняла советского предложения о воспрещении подготовки к химической и бактериологической войне в мирное время (см. раздел II советского предложения), но и исключила из главы IV всякое упоминание об этом вопросе.

Что касается раздела I советского предложения, то на 10 заседании, 23 апреля, Комиссия приняла предлагавшуюся Советской Делегацией резолюцию с незначительной редакционной поправкой («рекомендует» вместо «обращается с призывом»).

I.

В виду того, что основные пункты главы IV предварительного проекта 1927 года повторяют протокол о химической и бактериологической войне, подписанный в Женеве 17 июня 1925 года, Подготовительная Комиссия по Разоружению постановляет, в интересах скорейшего введения в силу указанного протокола, исключить главу IV из проекта 1927 года и принять следующее постановление:

Подготовительная Комиссия к Конференции по Разоружению обращается ко всем государствам, подписавшим протокол от 17 июня 1925 года, но еще не ратифицировавшим его, с призывом ратифицировать указанный протокол в кратчайший срок.

II.

Подготовительная Комиссия также обращается ко всем государствам, подписавшим названный протокол, с предложением подписать дополнительный к нему протокол, который будет состоять из следующих статей:

Ст. 1. Все средства и приспособления химического нападения (все боевые отравляющие вещества, а также все средства для их выпуска, как то: газометы, распылители, баллоны, огнеметы и друг. приборы) в бактериологической войне, находящиеся в войсках, в запасе и в производстве, подлежат уничтожению в течение 3 месяцев со дня вступления в силу настоящего протокола.

Ст. 2. Промышленные предприятия, занятые производством указанных в ст. 1 средств химического нападения и бактериологической войны, прекращают производство со дня вступления в силу настоящего протокола.

Ст. 3. На предприятиях, могущих быть использованными для изготовления предметов химически-бактериологической войны, фабрично-заводскими комитетами или другими органами профессиональных союзов, действующими на данном предприятии, организуется постоянный рабочий контроль, в целях ограничения возможности нарушения соответствующих статей настоящего протокола.

№ 11.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ДЕКЛАРАЦИИ г. ГИБСОНА.

8 заседание, 22 апреля 1929 г.

Во время обсуждения вопроса о химической войне, на 8 заседании, 22 апреля 1929 года, делегат Соединенных Штатов Америки Гибсон выступил с декларацией, содержавшей некоторые принципы разрешения вопроса о морском разоружении, но, кроме того, затрагивавшей и всю проблему разоружения в целом. В частности, г. Гибсон доказывал необходимость взаимных уступок, а также излагал некоторые мысли, сходные с теми, которые были высказаны Советской Делегацией.

В ответ на декларацию г. Гибсона делегаты Британской Империи, Франции, Италии, Японии, Канады, а также и СССР сделали ответные заявления. Приводимая ниже речь является ответом Советской Делегации на речь г. Гибсона.

Господа, мы неожиданно приступили к общему обсуждению основных принципов разоружения. Это обсуждение, на котором настаивает Советская Делегация и которое встретило сопротивление Комиссии, было даже определено первым делегатом Великобритании, как несерьезная работа, недостойная внимания Комиссии. Я сам и, я полагаю, вся остальная часть Комиссии не пожалеет о нарушении процедуры, возникшем в результате отхода от предложения председателя строго придерживаться порядка дня. Комиссия, вероятно, теперь согласится с тем, что обсуждая и стремясь к соглашению по общим принципам, мы можем сделать больше для успеха работы Комиссии, нежели занимаясь поставленными на обсуждение техническими деталями.

С величайшим интересом я выслушал важное заявление уважаемого делегата САСШ. Я с особенным удовольствием констатировал в его заявлении ряд совпадений с тезисами и аргументами, защищавшимися мною на данной и предыдущих сессиях. Не знаю, увеличит ли это совпадение значение заявления американского делегата или, наоборот, обесценит его. Для меня неважно, поддерживает ли американский делегат мои аргументы или приводит их, несмотря на то, что они были выдвинуты мною уже ранее. Существенно, что некоторые здоровые принципы разоружения нашли поддержку делегации одной из крупнейших держав.

Я не буду останавливаться сейчас на деталях заявления американского делегата. Достаточно будет сказать, что он, как и я, настаивал на необходимости покончить с злоупотреблением термином «ограничение вооружения» и заменить его термином «сокращение» (вооружения). Я также отмечу, что американский делегат, повидимому, поддерживает принцип пропорционального сокращения вооружений, поскольку он заявил, что справедливое применение принципа сокращения вооружений по отношению ко всем государствам не нарушило бы существующего соотношения сил и поэтому не нанесет ущерба безопасности какого-либо отдельного государства. Можно заметить, что к немногочисленным ответам, полученным до сих пор от делегаций на три основных вопроса, поставленных Советской Делегацией, теперь также прибавился отдельный ответ Американской Делегации.

Мой опыт в данной Комиссии не вызывает у меня склонности внезапно сменить пессимизм, выраженный в моем заявлении, врученном членам Комиссии день или два тому на-

зад, преувеличенными надеждами. Заявления общего характера, как бы благоприятны они ни были, должны вылиться в форму определенных предложений, которые пока сделаны только Советской Делегацией. Советская Делегация не только выдвинула принципы, но и разработала их в проект конвенции. Однако после американского предложения едва ли будет слишком преувеличенной надежда, что советские предложения будут рассматриваться Комиссией в новом свете и что в процессе ее работы не только основные принципы, но и советский проект конвенции перестанут считаться отклоненными, как не заслуживающие внимания.

№ 12.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ СВЯЗИ МЕЖДУ ПАКТОМ КЕЛЛОГА, РАЗОРУЖЕНИЕМ И ВОСПРЕЩЕНИЕМ ВОЗДУШНЫХ БОМБАРДИРОВОК.

11 заседание, 24 апреля 1929 г.

На 11 заседании, 24 апреля, Комиссия по Разоружению обсуждала германское предложение о воспрещении метания с воздушных судов боевых снарядов всякого рода. Германское предложение было отклонено большинством голосов Комиссии против пяти, в том числе и против голоса Советской Делегации.

Во время прений, предшествовавших голосованию, делегат Польши Сокаль приводил против германского предложения то соображение, что нельзя воспретить один какой-либо вид войны, но что надо воспретить самую войну. Он говорил: «Господа, выступите теперь, после Парижского пакта, перед общественным мнением и попытайтесь созвать конференцию для кодификации законов войны. Но что ответит общественное мнение, если, об'явив войну вне закона, Лига Наций начнет заниматься регламентацией, кодификацией законов войны?»

Уважаемый делегат Польши правильно обратил внимание на положение, в котором мы находимся. Почти все государства подписали Пакт Келлога об отказе от войны и об'явлении ее вне закона, и, несмотря на это, мы здесь занимаемся обсуждением методов ведения войны. Польский делегат мог с одинаковой силой сделать свои замечания вчера, при обсуждении статьи о химической войне. Но я желал бы, чтобы он пошел дальше этого и применил свои замечания

к вопросу о сокращении вооружений. Зачем нам заниматься только сокращением вооружений, если в будущем не будет войны? Советская Делегация делает из Пакта Келлога об отказе от войны вывод, что всякие вооружения должны быть уничтожены, и поэтому мы в прошлом году предложили полное и всеобщее разоружение. Это единственно логическое действие и является единственным звеном, недостающим в цепи пацифистских усилий за подлинное предотвращение войны. Я крайне сожалею, что уважаемый делегат соседнего с нами польского государства немало содействовал отклонению в прошлом году наших предложений о полном разоружении. Если он хочет быть последовательным сейчас, когда Пакт Келлога стал фактом, он, может быть, изменит позицию, которую он занимал в прошлом году, и поддержит на Конференции наш проект конвенции о полном разоружении.

Однако положение таково, что Подготовительная Комиссия не сочла возможным принять наше предложение и в соответствии с этим заявила, что, несмотря на Пакт Келлога и несмотря на торжественные обязательства, вытекающие для государств из этого Пакта, мы все же должны считаться с возможностями войны. Поэтому мы, естественно, должны пытаться провести мероприятия, которые, по крайней мере, или уменьшат возможности войны, или смягчат ее ужасы. Поэтому я не вижу оснований, почему бы нам не заняться обсуждением вопроса о химической войне, как это имело место вчера, или не обсуждать вопросов, выдвинутых уважаемым делегатом Германии относительно ликвидации военной авиации.

В отношении этого предложения я хотел бы отметить, что оно покрывается советским проектом конвенции о сокращении вооружений, который обсуждался на этой сессии. В статье о воздушных вооружениях имеется ряд пунктов, преследующих те же цели предотвращения гражданского населения от ужасов войны. Имея это в виду, мы предложили ликвидацию специальных родов авиации с тем, чтобы сделать невозможным сбрасывание бомб на гражданское население, населенные города и другие местности. Далее я хотел бы обратить внимание на статью 7 2-го раздела советского проекта о разоружении, которая гласит:

«Все орудия войны, направленные в первую очередь против гражданского населения, не принимающего непосредственного участия в вооруженном конфликте (военная авиация и химическая), должны быть уничтожены, как это предусмотрено в специальной конвенции».

Это — всеобъемлющая статья. В ней говорится не только об авиации, но и о других видах оружия, могущих быть применяемыми против гражданского населения. Поскольку в

проекте наших предложений имеется означенная статья, логично, что мы полностью поддерживаем предложение Германской Делегации.

№ 13.

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ВОЗДУШНЫХ БОМБАРДИРОВОК.

11 заседание, 24 апреля 1929 г.

Во время прений по вопросу о воздушных бомбардировках делегат Польши Сокаль выступил с возражением по поводу речи т. Литвинова о связи Пакта Келлога, разоружения и воздушных бомбардировок (см. документ № 12).

На этот раз делегат Польши доказывал, что Пакт Келлога, не предусматривающий санкций и являющийся только новым шагом, дает только известную безопасность. «К тому же, — говорил г. Сокаль, — национальная защита, которая остается даже после подписания Пакта Келлога самоочевидным и вполне естественным правом, требует армии, соответствующей положению каждого государства».

Приводимая речь тов. Литвинова отвечала на это утверждение, а также на речи некоторых других делегатов по вопросу о воздушных бомбардировках.

Я не имел намерения снова выступать, но, так как я вижу определенное нежелание со стороны других делегаций к выступлению, я должен взять несколько минут для изложения некоторых взглядов.

Я замечаю, что точка зрения уважаемого делегата Польши несколько отличается от тех его взглядов, которые он высказывал сегодня утром. Судя по его первой речи, мне казалось, что он серьезно отнесся к Пакту Келлога и поэтому представил себе будущее, когда никогда больше войны не будет, когда все имеющееся вооружение будет использовано для других целей, например, для парадов и обучения, когда пушки никогда не будут греметь, бомбы будут оставаться на земле и их не будут бросать сверху. Но во второй раз он говорил совершенно другое. Он указал, что Пакт Келлога не дает гарантии против войны, что он неизбежно будет расторгнут и нарушен и что поэтому возможность войны все еще существует. Он, таким образом, берет назад все замечания, которые он сделал по вопросу о бесполезности обсуждения этих вопросов.

Я скажу несколько слов по поводу замечаний, сделанных уважаемым делегатом Франции. Он справедливо указал

на то, что помимо бомб, сбрасываемых с аэропланов, существуют другие орудия, которые могут быть использованы против гражданского населения. Я думаю, я предупредил это соображение в моем первом заявлении, когда я обратил внимание на некоторые пункты проекта советского предложения. Напр., параграф 6 раздела 2 говорит:

> «Для вооружения сухопутных сил существующие типы вооружения, указанные в таблицах от 1 января 1928 г., сохраняются, за исключением танков и тяжелой дальнобойной артиллерии, специально предназначенных для агрессивных целей».

Г. Массильи согласится с тем, что вполне последовательно было бы на ряду с стремлением обсуждения вопроса о метании бомб обсудить и вопрос об уничтожении других видов орудий, от которых может пострадать гражданское население. Я позволю себе пойти мимо его юридических суждений, так как только сегодня утром мы приняли резолюцию по вопросу о воспрещении химической войны. Если мы можем обсуждать вопрос о запрещении применения некоторых ядовитых газов, почему нельзя также запретить пользование другими средствами ведения войны, как бросание бомб?

Вчера во время обсуждения в Комиссии некоторые делегаты выразили беспокойство по поводу того впечатления, которое произведут на общественное мнение некоторые решения Комиссии. Я не согласен с тем, кто говорит, что мы не должны считаться с общественным мнением. Идеей созыва Конференции по Разоружению и в особенности статьей 8 Статута Лиги Наций, возлагающей на членов Лиги определенные обязательства по вопросу о сокращении вооружений, мы обязаны не самопроизвольному желанию правительств, а давлению общественного мнения. Поэтому необходимо в некоторой мере подумать и об этом общественном мнении, когда вырабатывается то или иное решение.

В связи с этим я просил бы вас иметь в виду, что это уже десятое заседание нашей сессии, что мы находимся здесь почти десять дней и что ни одна какая-либо определенная резолюция не была принята нами. Мы только достигли того, что отвергли некоторые пункты. Обсуждение некоторых основных принципов, выдвинутых Советской Делегацией, было отвергнуто. Мы отвергли предложения, касающиеся ведения химической войны, и теперь, очевидно, намереваемся отвергнуть другое положительное предложение, сделанное Германской и поддержанное Советской Делегациями. Безусловно, Подготовительная Комиссия по Разоружению не должна быть сделана местом для погребения такого рода предложений.

№ 14.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ОГРАНИЧЕНИЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВОЗДУШНЫХ СИЛ.

12 заседание, 25 апреля 1929 г.

12 и 13 заседания 25 и 26 апреля 1929 г. были посвящены второму чтению части 3 главы II проекта 1927 г., касавшейся вопросов о воздушных вооружениях. Приводимая речь т. Литвинова является одним из выступлений по вопросам воздушных вооружений, отражающим общее отношение к вопросу о применении сокращения вооружений к колониям.

С первого взгляда может показаться, что нет никакой разницы между французскими и советскими предложениями, но на самом деле они являются совершенно различными. Я сказал бы, что французское предложение исключает принцип, на котором базируется советское предложение. Мы имеем в виду установление твердых лимитов в авиации для метрополий и для колоний; Французская же Делегация предлагает предоставить на усмотрение колониальных держав распределение воздушных вооружений между метрополией и колониями. В этом вопросе заинтересованы не только державы, имеющие колонии, но и государства, которые будут принимать участие в Конференции по Разоружению. Они, естественно, пожелают узнать, каковы будут лимиты разных видов вооружений каждой данной национальной территории, и если бы мы разрешили отдельным государствам произвольно менять число воздушных или других видов вооружений, вся система, на которой зиждется сокращение вооружений, была бы уничтожена. Поэтому я не думаю, что мы можем оставить разрешение этого вопроса на усмотрение колониальных держав. В этом вопросе также заинтересованы сами колонии. Безопасность колонии требует определенного ограничения воздушного и военного вооружений, находящихся на их территории.

Как известно Комиссии, принципы политики Советского Правительства совершенно противоположны принципам колониальный системы, и поэтому, конечно, мы будем противиться тому, чтобы на территории колонии находились воздушное вооружение или военные материалы, принадлежащие метрополиям. Но, естественно, что такое предложение едва ли окажется приемлемым для Комиссии или для Конференции. Поэтому мы ограничиваемся предложением некоторого сокращения вооружений, могущих быть использованными против самих колоний. По нашему мнению,

вооруженный конфликт в колониях тоже является видом войны, и мы желаем предотвратить такую возможность. С этой целью мы предлагаем установить определенные лимиты отдельно для метрополии и для колонии, между тем как французское предложение предоставляет установление лимитов исключительно на произвольное усмотрение самих метрополий, которые разрешат этот вопрос с точки зрения своих собственных интересов. Это совершенно отличное от советского предложение.

Я хотел бы обратить внимание Комиссии на то, что в ст. 1 п. а предусмотрен принцип ограничения вооружений отдельно для метрополий и для колоний и что этот принцип был утвержден Комиссией при первом чтении проекта в 1927 году, и я не вижу оснований, почему бы нам не распространить этот принцип на воздушное вооружение. По моему, навряд ли справедливо предложение разных делегаций о представлении вопроса об авиации на усмотрение колониальных держав, и я поэтому еще раз подчеркиваю то обстоятельство, что между предложениями Французской и Советской Делегаций существует коренная разница.

№ 15.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОДОБРИТЬ ИДЕЮ ВОЗДУШНЫХ САНКЦИЙ.

13 заседание, 26 апреля 1929 г.

Во время обсуждения вопроса о воздушных вооружениях делегат Испании г. Кобиан внес предложение поддержать идею Председателя Международной Лиги Авиаторов Клифферда Хармона о создании в Женеве воздушной эскадрильи, находящейся в распоряжении Совета Лиги Наций.

Приводимая ниже речь т. Литвинова была произнесена по поводу указанного предложения г. Кобиана, которое не было принято Комиссией.

В течение наших прений были сделаны многие предложения — Советской и другими Делегациями, более затрагивающие вопрос о сокращении вооружений, чем предложения, сделанные делегатом Испании. И все они считались предложениями, не входящими в компетенцию Комиссии. Неоднократно указывалось, что мы должны рассматривать только вопросы, связанные с сокращением вооружений, и я не полагаю, что сделанное только что предложение имеет какое-либо отношение к этому. Оно скорее всего влечет за собой увеличение вооружений или новые военные перегруп-

нировки для специальных целей. Дальше, это предложение связано с общей идеей о санкциях, но предложение о санкциях уже обсуждалось в связи с вопросом о газовой войне и было отвергнуто Комиссией. Я не вижу поэтому, почему мы должны принять в какой-либо форме предложение, сделанное г-ном Кобианом относительно воздушных вооружений. Что касается меня, то я решительно против принятия таких резолюций и против того, чтобы подобные пожелания формулировались Подготовительной Комиссией.

№ 16.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ СОГЛАСИЯ ДЕЛЕГАТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ г. ГИБСОНА ОСТАВИТЬ НЕОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЕННООБУЧЕННЫЕ РЕЗЕРВЫ.

14 заседание, 27 апреля 1929 г.

Начиная с 13 заседания, 26 апреля, и по 18 заседание, 2 мая, Комиссия по Разоружению занималась расомотрением главы I проекта 1927 г., касавшейся личного состава вооруженных сил. В центре внимания стоял вопрос о решении Комиссии оставить неограниченными военнообученные резервы.

Принятие такого решения оказалось возможным потому, что делегаты Соединенных Штатов Америки и Британской Империи, ранее настаивавшие на включении военнообученных резервов в число вооруженных сил, подлежащих ограничению, сняли свои возражения.

Первое заявление в этом смысле было сделано в самом начале дискуссии г. Гибсоном, мотивировавшим свой отказ от ограничения военнообученных резервов незаинтересованностью Соединенных Штатов Америки, как морской державы, в сухопутных вооружениях и необходимостью вести работу в духе взаимной уступчивости и соглашения. При этом он призывал делегатов отказаться от торга и открыть свои карты.

Ряд делегатов, выступавших перед приводимой ниже речью т. Литвинова, расценивал выступление г. Гибсона как важный шаг на пути к успешному завершению работ Комиссии по Разоружению.

Я вполне разделяю высказанные здесь соображения о желательности взаимных уступок со стороны делегаций и о

важности этих уступок для достижения всеобщего соглашения по выполнению стоящей перед Подготовительной Комиссией задачи. Уступки, однако, могут быть двоякого рода. Либо делегации берут обратно свои оговорки и возражения против тех предложений, которые идут в направлении самого широкого и далеко идущего сокращения существующих вооружений и единодушие достигается на почве максимально возможного разоружения, либо же уступки делаются в смысле принятия всех этих оговорок и возражений и единогласие получается на основе максимального сужения размаха разоружения. Я с глубоким сожалением должен констатировать, что дух примирения и соглашения, который проявлен здесь уважаемым делегатом САСШ и который удовлетворил в значительной мере многие делегации, соответствует второму пути. Я уверен, что вместе с Советской Делегацией разочарование будут испытывать вне стен этой залы все те, которые ожидают от Подготовительной Комиссии и от будущей Конференции по Разоружению ощутительных результатов, не только в смысле облегчения бремени милитаризма, облегчения тяжести военных бюджетов, но и ослабления возможностей войны, сокращения размаха будущих войн и их ужасов.

Если я правильно понял заявление уважаемого делегата САСШ, его государство, как морская держава, соглашается об'явить свою незаинтересованность в вопросе об обученных резервах. Оно готово удовлетвориться сокращением численного состава людей, находящихся на военной службе, не требуя такого же или даже какого бы то ни было сокращения резервов. Оставление обученных резервов вне всяких вычислений влечет за собой оставление на существующем или даже на любом увеличенном уровне военных припасов.

Резервы могут иметь какое-либо значение с военной точки зрения только при условии соответственного изготовления и накопления в мирное время значительных запасов всевозможных орудий войны, достаточных для вооружения, по крайней мере в течение первого месяца войны, резервов, подлежащих призыву в случае войны. Совершенно очевидно, что если проект конвенции не будет предусматривать сокращения обученных резервов и военных материалов, то вся работа Конференции по Разоружению сведется лишь к некоторому, весьма незначительному сокращению личного состава на действительной службе, т.-е. к некоторому уменьшению военных бюджетов по статье содержания личного состава. Это сокращение бюджетов будет иметь весьма ограниченный характер, поскольку из бюджетов не исчезнут и не сократятся статьи на изготовление оборудования армий и на военные припасы.

Я сказал, что численный состав армий на действительной службе потерпит лишь незначительное сокращение, ибо эти армии должны служить кадрами, способными охватить в случае мобилизации обученные резервы, а раз элементы этих резервов остаются нетронутыми, то им должны соответствовать и кадры, а следовательно, не может быть допущено сколько-нибудь значительное сокращение вооруженных сил, находящихся на действительной службе. Таким образом, оставляя нетронутыми обученные резервы и военные материалы, мы вряд ли сможем оказать какое-либо существенное влияние даже на военные бюджеты.

Как я уже выше упоминал, второй наиболее важной целью разоружения является уменьшение возможности войн, а также сужение размаха будущих войн, т.-е. воспрепятствование тому, чтобы в эти войны, по примеру последней войны, были вовлечены миллионы людей, все работоспособное мужское население. Для достижения этой цели Конференция по Разоружению не может принять никаких полезных решений, если мы предоставим каждому государству неограниченную свободу в отношении обученных резервов.

Делегация САСШ, повидимому, предполагает, что вопрос о резервах касается так называемых сухопутных стран, которые должны этот вопрос разрешить между собою в соответствии с их собственными интересами. Я представляю здесь одну из таких преимущественно сухопутных стран, но я послан сюда не для защиты особых интересов своей страны и не для соглашений с другими странами, основанных на учете ими особых интересов моей страны, в обмен на уступки интересам других стран. Я уполномочен заявить, что для представляемого мною Союза Республик приемлемо любое соглашение о сокращении всех родов оружия, всех вооруженных сил, как находящихся на действительной службе, так и в запасе, если то же сокращение коснется в такой же мере остальных стран. Интересы моей страны не требуют никаких из'ятий из разрабатываемой нами схемы сокращения вооружений, не требуют уступок со стороны других делегаций. Более того, я убежден, что интересы других стран, при условии миролюбия и отсутствия агрессивности, не требуют никаких компромиссов в деле разоружения, не требуют снятия никакого предложения, касающегося разоружения. Я полагаю, что если делегации будут преследовать не только специальные интересы своих собственных стран, но общую цель стабилизации мира, рассеивания тревожащих человечество призраков войны в ее наихудших формах, если мы будем стремиться к максимальному удовлетворению требований народных масс во всех странах в этой области, то нам не придется искать такого рода компромиссов, ко-

торые нам здесь подсказываются, компромиссов, построенных на сохранении за одной группой государств определенных элементов войны, в обмен на сохранение за другой группой государств других интересующих ее элементов войны. Защищая здесь не свои собственные интересы, не интересы какой-либо специальной категории государств, а отстаивая интересы разоружения и мира, мое правительство не может считать себя незаинтересованным ни в одной из проблем разоружения, касаются ли они сухопутных или морских держав. Советская Делегация будет поэтому до конца защищать и поддерживать все те предложения, которые расширяют размах разоружения. Советская Делегация считает существеннейшей и неотъемлемой частью действительного сокращения вооружений сокращение резервов. Отказ от сокращения обученных резервов равносилен отказу от разоружения вообще и разрушит всяческие надежды на сколько-нибудь удовлетворительное разрешение проблемы разоружения Подготовительной Комиссией и будущей Конференцией.

Изложенные мною соображения нашли формальное воплощение в предлагаемой Советской Делегацией поправке к главе 1-й о личном составе, трактующей о включении в проект конвенции особых граф для обученных резервов всех классов и чинов.

Мне могут сказать, что Подготовительная Комиссия не может вынуждать ни одно государство итти в деле разоружения дальше, чем оно этого хочет, и что соглашения поэтому возможны лишь на почве минимальной программы разоружения, с полным успехом всех возражений и оговорок со стороны всех правительств. Но констатирование факта невозможности побудить эти правительства снять свои оговорки и возражения и в духе примирения и соглашения пойти навстречу тем государствам, которые готовы к более полному сокращению вооружений, вряд ли должно вызывать с нашей стороны чувство удовлетворения. Нам следовало бы скорее открыто и мужественно выразить сожаление по поводу неудачи Комиссии в достижении действительного сокращения всех родов и элементов вооруженных сил, выразить сожаление по поводу необходимости компромиссов в сторону снижения требований в области разоружения. Открыто признав, что оставление обученных резервов вне действия конвенции не даст Конференции по Разоружению возможности сколько-нибудь удовлетворительным образом разрешить проблему разоружения, мы все-таки можем надеяться на то, что соответственные правительства, под давлением мирового общественного мнения, изменят свои решения к моменту созыва Конференции по Разоружению и позволят последней дополнить конвенцию теми статьями, без которых она не сможет именоваться Конференцией по Разоружению.

№ 17.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ СОКРАЩЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ.

15 заседание, 29 апреля 1929 г.

Во время обсуждения вопроса о личном составе вооруженных сил (равно как и при обсуждении вопроса о воздушных силах) Советская Делегация настаивала на том, чтобы в конвенции было сказано о существенном сокращении вооружений.

Это предложение встретило сопротивление со стороны ряда членов Комиссии. В частности, делегат Чили ссылался на принятую резолюцию о том, что сокращение вооружений должно определяться национальной безопасностью (см. замечания к документу № 8). Кроме того указывалось, что слово «ограничение», употребленное в проекте 1927 г., означает: «установление уровня вооружений, который страны обязуются не превышать».

Помещенная ниже речь была произнесена в ответ на возражения против упоминания в проекте конвенции о сокращении вооружений.

То, что это — вопрос, имеющий важное значение, доказывает то сопротивление, которое некоторые делегаты оказывают моему предложению. Я в действительности отвечаю на вызов, сделанный делегациям, раскрыть свои карты. Сам председатель и другие делегаты показали, что они полностью понимают разницу между ограничением и сокращением вооружений. Ограничить — значит зафиксировать определенный уровень, который может быть тем, который существует в настоящее время, или который может быть даже и выше. Я думаю, что возражения, выдвинутые Чилийской и другими Делегациями, запоздали. Они игнорируют новый факт, очень большого значения, с которым необходимо считаться, факт, имевший место после заседаний Подкомиссий А и В и других заседаний, а именно, резолюцию, принятую шестой сессией Комиссии, в которой говорится: «Подготовительная Комиссия к Конференции по Разоружению получила инструкции Совета не осуществлять сокращения вооружений, но подготовить план сокращения национальных вооружений до возможно низшего уровня» и т. д. Там нет ни слова об ограничении. Я считаю эту резолюцию очень важным шагом вперед, и когда уважаемые делегаты предлагают уничтожить слово «сокращение» и заменить его словом «ограничение», они отступают от резолюции, имею-

щей величайшее значение. Говорили, что Подготовительная Комиссия не может ничего рекомендовать Конференции по Разоружению. Если это так, то я не могу понять цели этой Комиссии. Она не является Комиссией по выработке проектов, но Комиссией для подготовки к Конференции по Разоружению. В состав этой Комиссии входили представители двадцати восьми государств, в том числе и представители крупнейших держав. В моем толковании задача этой Комиссии сводится к изысканию принципов разоружения, на которых эти двадцать восемь государств смогли бы сейчас притти к соглашению. Если имеются пункты расхождения, то их можно передать Конференции по Разоружению, но дело Конференции по Разоружению было бы значительно облегчено, если бы мы здесь пришли к соглашению по вопросу о принципах разоружения. Вопрос об ограничении или сокращении вооружений есть дело величайшего значения, и если он не может быть разрешен здесь, то Конференция должна будет заняться вопросом, будет ли она сокращать вооружения или нет. Общественное мнение полагает, что этот вопрос уже урегулирован, и оно будет сильно разочаровано, узнав, что предложение о вставке слова «сокращение» в проект Конвенции было отвергнуто. Поскольку, однако, предполагается, что мы вступили на путь взаимных уступок, я также готов сделать уступку: многие делегации настаивали на необходимости сохранения слова «ограничение». Я возьму обратно мои возражения против этого слова, если вы вставите в парагр. А следующие слова: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются ограничить и сократить количество людей, находящихся на действительной службе...». Я надеюсь, что Комиссия частично пойдет мне навстречу и примет мое исправленное предложение.

№ 18.

РЕЧЬ О МНИМОМ СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ И ВЫХОЛАЩИВАНИИ КОНВЕНЦИИ.

18 заседание, 2 мая 1929 г.

Начиная с 18 заседания, 2 мая, и до 20 заседания, 4 мая, Комиссия по Разоружению рассматривала часть 1 главы II проекта 1927 г., касающуюся ограничения военных материалов. После трехдневной дискуссии Комиссия отказалась от всякого ограничения количества оружия и боевых припасов и исключила вовсе часть 1 главы II. В то же время Комиссия отказалась и от ограничения военных бюджетов, составлявших предмет главы III. При этом Комиссия от-

вергла внесенное Советской и Германской Делегациями предложение ограничить количество оружия и боевых припасов, находящихся в частях, в резерве и в мобилизационных запасах. Приводимая ниже речь была произнесена в защиту этих предложений в начале дискуссии.

Я не буду повторять аргументов за принятие советско-германского предложения, так как их приводил уже граф Бернсторф с практической и технической точки зрения. Я прибавляю только один аргумент. Представители некоторых правительств заявляли здесь в продолжение этой сессии, что их страны уже произвели в некоторой степени сокращение личного состава, уменьшив количество полков или других единиц, и что поэтому неправильно было бы заставить их производить дальнейшие сокращения вооружений. Эти заявления, возможно, будут повторены на Конференции по Разоружению. Я предлагаю, пока представители этих правительств не заявят открыто для общего сведения, каков действительный уровень военных материалов их стран, считать их заявления в отношении сокращения личного состава не имеющими никакой цены, так как, сокращая личный состав и в то же время увеличивая военные материалы, они не уменьшают боевой способности своих армий, не ослабляют подготовки к войне. Следовательно, их заявления не будут иметь большого значения для Конференции по Разоружению без того, чтобы они также не поддержали предложений по ограничению военных материалов.

Но я предпочитаю остановиться на общем положении этого вопроса. Когда мы обсуждали проблему сокращения обученных резервов, я выразил опасение, что, если мы не сократим обученных резервов, этот факт сможет быть использован, как аргумент для несокращения военных материалов. Тем, что мое заявление было поддержано, я обязан представителю Сербо-Кроато-Словенской Делегации. Он был вполне логичен, когда в своем сегодняшнем заявлении сказал, что, если мы оставим без контроля и без сокращения обученные резервы, мы, естественно, должны будем позаботиться о снабжении их достаточным снаряжением, и поэтому мы не можем сократить военных материалов. Но логически, исходя из той же точки зрения, мы должны притти к невозможности сокращения даже числа людей, состоящих на действительной службе. Как я заявил, состоящие на действительной службе и кадры должны соответствовать обученному резерву. Вы увидите, что, следуя по этому пути, мы придем к заключению о невозможности сокращения военных материалов или обученных резервов, или даже количества людей, состоящих на действительной службе. Дальнейшим логиче-

ским выводом будет не понижать военные бюджеты, так как, если все элементы войны остаются нетронутыми, мы не можем уменьшить и бюджеты.

Этот путь ведет нас к результатам, которые равны нулю; по этому пути шла Комиссия в течение последних нескольких недель. Я много раз заявлял, что дорога, намеченная Комиссией, ведет нас в тупик и что по пути встречаются препятствия, которые Комиссия преодолеть не сможет.

То, что происходило в Комиссии в течение последних дней, фактически—последних недель, полностью совпадает с тем, что я говорил вначале. Мы не преодолеваем тех затруднений, которые выявились на предыдущих сессиях Подготовительной Комиссии. Известные расхождения мнений обнаружились в связи с некоторыми предложениями по разоружению, и Комиссия теперь, в целях достижения единогласия, просто снимает эти предложения. Фактически мы принимаем решение вовсе не говорить о разоружении. Это—легчайший способ добиться единогласия. По существу мы выхолащиваем проект конвенции, оставив пустую шелуху. Идя таким путем, мы сможем заявить, что все оговорки устранены и единогласие достигнуто. Но единогласие будет только на заголовках проекта Конвенции, и ничего больше от него не останется.

Я знаю, господа, что, когда я выступаю здесь в защиту разоружения, мой голос есть «глас вопиющего в пустыне», но все же я в последний час и в последний раз взываю к Комиссии. Граф Бернсторф вполне правильно заметил, что это—решающий момент в нашей работе. Делегации, которые на каждом заседании возражали против всякого предложения о сокращении вооружений, теперь имеют последнюю возможность сделать некоторые уступки тем, кто вносил предложения о сокращении вооружений. До тех пор, пока не будут сделаны уступки по этому пункту, который нами сейчас обсуждается, мы не сможем говорить о взаимных уступках. Уступки будут совершенно односторонние. Они будут сводиться к снятию с обсуждения любых предложений о разоружении. Если мы желаем сохранить в проекте Конвенции хоть какое-нибудь содержание, достойное упоминания, мы должны сохранить, по крайней мере, предложение о сокращении военных материалов.

Комиссия приняла решение о несокращении воздушных вооружений, о несокращении обученных резервов. Мы также отвергли ряд других предложений, идущих в том же направлении. Если мы теперь отвергнем советско-германское предложение о сокращении военных материалов, я беру на себя смелость заявить, что проект конвенции, на который согласилась Комиссия, не будет стоить тех чернил, которыми он написан.

№ 19.

РЕЧЬ О НЕДОПУСТИМОСТИ ЗАМЕНЫ ВОПРОСА ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ ВОПРОСОМ ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ СВЕДЕНИЙ ОБ ИХ КОЛИЧЕСТВЕ.

19 заседание, 3 мая 1929 г.

Оставляя неограниченным количество оружия и боевых припасов (см. замечания к документу 18), Комиссия по Разоружению отказалась также и от ограничения военных бюджетов, как системы, косвенным образом влекущей ограничение вооружений. В проекте 1927 года имелась глава III, состоявшая из одной статьи АД, касавшейся ограничения военных расходов. Внесенная Французской Делегацией, эта глава, однако, была снабжена оговорками некоторых делегаций, которые соглашались только на гласность военных бюджетов, но не на их ограничение. На VI сессии Комиссии делегат Франции г. Массильи, отклоняя способ прямого ограничения военных материалов, предложил отложить рассмотрение вопроса о военных бюджетах. Это предложение не вызвало сочувствия Комиссии. Председатель Комиссии предложил резолюцию о возможности замены ограничения военных бюджетов преданием их гласности. Помещаемая ниже речь была произнесена по поводу этого предложения.

Полагаю, что я полностью уловил значение этой резолюции и могу выразить свое мнение по поводу этой резолюции немедленно, не дожидаясь вручения текста. Резолюция кажется лишней и нецелесообразной. Она лишняя потому, что, как уже указывал председатель, имеется уже пункт (статья АД), который охватывает вопрос о гласности в более широкой и ясной форме, в форме, применимой к сухопутным, морским и воздушным вооружениям. Я не вижу причины для предвосхищения решения, которое должно быть принято по этой статье, или почему мы должны ограничить ее рамки.

Дальше, я полагаю, что сделанный здесь призыв, чтобы мы открыли свои карты, относится не только к отдельным делегациям, но и ко всей Комиссии в целом. Если мы не можем достигнуть результата по какому-либо отдельному вопросу, Комиссия должна заявить об этом открыто, не пытаясь скрывать это.

После двухдневного обсуждения мы вынуждены заявить, что не смогли достигнуть соглашения по вопросу об

ограничении военных материалов. Заявим об этом открыто; это было бы более полезно, чем пытаться покрывать наше отступление резолюцией, которая ничего фактически не прибавляет к работам Комиссии.

Резолюция нецелесообразна потому, что делегат Франции пошел гораздо дальше, чем Бюро. Г. Массильи предложил оставить вопрос открытым; это означает, что мы снова вернемся как к нему, так и к предложениям Французской, Советской и Германской Делегаций, в то время как резолюция, предложенная Бюро, фактически кладет конец этому вопросу. По моему мнению, вопрос о гласности должен рассматриваться тогда, когда мы приступим к обсуждению соответствующей главы, а не теперь.

№ 20.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ОТКАЗА ОТ ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ И ВОЕННЫХ БЮДЖЕТОВ и ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТОДОВ СОГЛАШЕНИЯ ЗА СЧЕТ ДЕЛА РАЗОРУЖЕНИЯ.

20 заседание, 4 мая 1929 г.

На двадцатом заседании, 4 мая, г. Массильи взял обратно свое предложение отложить вопрос об ограничении военных бюджетов (см. замечания к документу 19). Он сам вместе с г. Гибсоном внес проект резолюции, содержавшей отказ как от прямого ограничения вооружений, так и от ограничения военных бюджетов, но с указанием, что ограничения и сокращения военного материала следует искать в гласности военных расходов. Франко-американская резолюция была принята поименным голосованием при двух голосах против—делегаций СССР и Китая—и воздержании от голосования делегата Германии.

Помещаемая ниже речь была произнесена т. Литвиновым перед голосованием.

Комиссия, повидимому, нашла новый метод разрешения разногласий во мнениях, высказанных во время прений. В отношении вопроса об ограничении и сокращении военных материалов выдвигались два метода; одни члены Комиссии предпочитают первый, другие — второй. Авторы же данной резолюции, однако, повидимому, не сумели найти ничего лучшего, как предложить вовсе отказаться как от сокращения, так и от ограничения.

Уважаемый французский делегат в первой своей речи по вопросу об ограничении военных материалов заявил, что он не будет настаивать на немедленном голосовании его предложений и что он согласен оставить вопрос открытым. В связи с этим заявлением можно было надеяться, что в промежутке времени между нынешней и следующей сессиями или между этой сессией и конференцией делегатами будут сделаны уступки в целях достижения единодушия по тому или другому из предложенных методов. Теперь же мы собираемся отвергнуть оба метода, и это считается значительной уступкой со стороны Французской Делегации. Если мне будет позволено, я хотел бы просить у Французской Делегации только об одной уступке — больше не делать подобного рода уступок.

Предложенная резолюция, несомненно, является шагом назад, ибо если вчера мы все еще надеялись на то, что, принимая тот либо другой метод, мы достигнем разрешения проблемы об ограничении и сокращении военных материалов, то эта резолюция отнимает у нас и эту надежду. Что предлагается в этой резолюции? Предлагается в данный момент не принимать ни одного из этих методов, а стремиться к ограничению посредством передачи гласности расходов. Что означает гласность? Я понимаю под гласностью обязательство со стороны всех правительств периодически опубликовывать о состоянии их вооружений. Но цифры будут совсем произвольными. Правительства не принуждаются давать цифры, предписываемые международной конвенцией, они вольны сами решать вопрос о цифрах, — в отношении этих цифр не существует никаких ограничений. Правительства могут в один год опубликовать одни цифры, а в следующий могут дать другие, более высокие, чем в предыдущем году. Но где мы здесь видим ограничение или сокращение? Я абсолютно этого не вижу.

Если под гласностью подразумевается установление Комиссией или Конференцией цифр и недопустимость превышения этих цифр, то это будет не гласность, а ограничение. Почему же не заняться разрешением этого вопроса сейчас, когда обсуждается вопрос об ограничении и сокращении военных материалов? Зачем откладывать этот вопрос до обсуждения вопроса о гласности? Мне кажется, что, подводя этот вопрос под главу о гласности, мы фактически отказываемся от принципа ограничения и сокращения военных материалов.

Я вполне понимаю, что сторонники этой резолюции несколько разочарованы ничтожностью результатов их призыва к уступкам. Желая найти выход из затруднительного положения, в котором они очутились, они предложили эту резолюцию для прикрытия того факта, что до сих пор не

найдено разрешения вопроса о сокращении и ограничении военных материалов. Такое действие может быть приемлемо для них. Возможно, что из психологических и сентиментальных побуждений им необходимо так действовать, но это не является необходимостью для меня.

Как мною уже было сказано вчера, я предпочитаю открытое и честное заявление, что не найдены методы и что предложенные методы подлежат обсуждению в будущем. Я поэтому предпочитаю предложение, которое сделано Французской Делегацией в начале обсуждения и до того, как она начала делать уступки, т.-е. оставить вопрос о методах открытым для разрешения его или на следующей сессии, или на самой Конференции. Что касается меня, то я не имею возможности присоединиться к предложенной нам сейчас Комиссией резолюции.

№ 21.

РЕЧЬ О СТАБИЛИЗАЦИИ ВОЕННЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ.

20 заседание, 4 мая 1929 г.

Среди других поправок и дополнений, вносившихся Советской Делегацией в проект конвенции, рассматривавшийся Комиссией по Разоружению, Советская Делегация предлагала внести статью «ТВ» о сохранении для вооружения сухопутных сил типов вооружения, существующих на 1 января 1929 г. Это предложение было отклонено Комиссией.

Приводимая речь содержала пояснения по поводу указанного предложения.

Если в этой поправке упоминается только о сухопутных силах, то это не потому, что мы желаем ограничиться в нашем предложении этими силами. Я принимаю во внимание, что мы сейчас обсуждаем первую статью о сухопутных вооружениях, и поэтому вставил слова «сухопутные силы». Из этого не следует, что эта поправка не распространяется на морские и воздушные силы.

Я буду очень краток в моем раз'яснении этой поправки. Как вы усмотрите, статья «ТВ» имеет в виду ограничение лихорадочной активности, наблюдаемой сейчас в области военных изобретений и их усовершенствований. Советская Делегация считает, что предотвращение замены существующих видов вооружений вновь изобретенными, все более и более усовершенствованными или, другими словами, более разрушительными, со временем, без сомнения, явится тормозом для осуществления военных намерений. Советская Де-

легация также полагает, что общественное мнение во всем мире с глубоким удовлетворением приветствовало бы всякое решение держав не вооружать своих армий новыми, еще не испытанными в военном деле, находящимися в стадии лабораторного исследования, разрушительными орудиями. Последние достижения в одной только электротехнической области угрожают возможностями разрушения, которые себе даже трудно представить.

Я с самого же начала заявляю возможным покровителям «цивилизации и прогресса», которым наше предложение может показаться варварством, что таким обвинением они не могут меня пристыдить, точно так же, как они не могли меня заставить покраснеть, клеймя наше первое предложение о полном разоружении, как попытку передвинуть часы назад, когда люди, воюя друг с другом, применяли палки и камни вместо пушек и ядовитых газов.

В качестве представителя страны, управляемой рабочими и крестьянами, страны, приносящей колоссальнейшие жертвы и проявлявшей наибольший интерес к развитию и поощрению науки, в особенности технических знаний, я без всякого колебания заявляю, что человечество ни на одну иоту не пострадает от того, что вся энергия и изобретательские способности ученых будут направлены из русла разрушения на путь созидательной работы. Уровень развития разрушительных орудий не является критерием нашей цивилизации. Напротив, мы считаем несовместимым с высоко развитой цивилизацией бесконтрольное развитие разрушительных вооружений.

Я полагаю, что немногие будут несогласны с моим заявлением о том, что разрушительные изобретения не принесли значительной пользы науке, в то время как обратное не подлежит никакому сомнению: разрушительная техника всегда значительно обогащалась применением общих научных изобретений. К прекращению этого злоупотребления наукой и этого превратного ее применения мы и стремимся.

Я не уверен в том, что большинство Комиссии согласится с тем, что наше предложение входит в постепенно суживающиеся рамки работ этой Комиссии, и я вполне сознаю, что оно может быть отклонено на тех основаниях, на которых был отклонен целый ряд других советских предложений, преследовавших ту же цель. Я хочу, однако, отметить, что в то время, как Советское Правительство готово пойти далеко по пути уничтожения войны, оно не менее готово, в случае неудачи, принять всяческие меры, могущие хотя бы в малейшей степени смягчить ужасы войны.

С этой целью мы и предложили статью «ТВ».

Я хочу внести полную ясность в этот вопрос, а именно, что мы предлагаем оставить каждому государству только

те виды вооружений, которыми оно сейчас обладает. Принятие советского предложения предоставит всем государствам свободный выбор существующих ныне в любой стране вооружений и возможность перевооружения своих сил. Наше предложение имеет в виду лишь ограничить выбор применяемых ныне в любой армии родов вооружений. Предусмотренные в нашем предложении ограничения распространяются на введение новоизобретенных видов вооружений, до сих пор не применямых ни в одной из армий.

№ 22.

РЕЧЬ ОБ ОЦЕНКЕ РАБОТ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ПОСЛЕДНЕМ ЗАСЕДАНИИ.

21 заседание, 6 мая 1929 г.

На последнем заседании, 6 мая, Комиссия по Разоружению приняла в целом ту часть своего проекта 1927 года, который был ею рассмотрен, а именно главу 1 — о личном составе вооруженных сил, отказавшись при этом от ограничения обученных резервов; главу II — о военном материале, из которой часть I, о вооружении сухопутных войск,—была вовсе исключена, часть II, о воздушных силах, была ослаблена, и часть III, о морских силах, отложена, и, наконец, главу IV — о химической и бактериологической войне, из которой было исключено указание на воспрещение подготовки к этим видам войны в мирное время.

Остались нерассмотренными глава III—о военных расходах, относительно которых, однако, уже было решено, что они останутся неограниченными (см. замечания к документу № 20), и глава V—об исполнении конвенции (международная комиссия, опубликование военных сведений, контроль, отступления и протокольные статьи), а также введение к конвенции. Эти вопросы были тоже отложены Комиссией.

Помещаемая ниже речь т. Литвинова была произнесена по поводу этого решения Комиссии и содержала, кроме того, оценку работ последней.

Советская Делегация не присутствовала на заседаниях Комиссии, когда обсуждались главы III и V. Поэтому я вынужден сделать ряд оговорок в отношении означенных глав, но, так как мы сейчас не занимаемся обсуждением этих глав, я оставлю эти оговорки на будущее. Насколько мне извест-

но, глава III связывается с вопросом о порядке назначения времени, до какого должно быть отложено обсуждение глав III и V, и что мы сейчас обсудим этот вопрос.

Я хочу сделать несколько оговорок по вопросу о порядке, ибо я сомневаюсь в целесообразности откладывания обсуждения глав III и V до следующей сессии Подготовительной Комиссии, более того, я сомневаюсь в целесообразности созыва новой сессии. Я считаю более целесообразным созвать еще одно или два заседания настоящей сессии с тем, чтобы внести окончательные технические поправки в этот проект конвенции и затем передать его Конференции по Разоружению, не созывая еще одной сессии.

Для того, чтобы внести полную ясность в этот вопрос, я подведу вкратце итоги работ этой Комиссии, как они мне представляются, обрисовав перспективы работ новой сессии.

1. В своей декларации от 19 апреля сего года, разосланной всем делегациям, Сов. Делегация, подводя итог предыдущих работ Подготовительной Комиссии, позволила себе и некоторые предсказания насчет дальнейших работ Комиссии. Я был бы очень рад, если бы я мог сегодня, при подведении итогов VI сессии, признать предсказания Советской Делегации не сбывшимися. Я должен, однако, к своему великому сожалению, констатировать, что результаты VI сессии оправдали самые мрачные предсказания, какие только могли бы быть заранее высказаны. В одном только мы ошиблись. Нам казалось, что, пойдя по пути, усеянному множеством неизбежных препятствий, Комиссия либо не сможет преодолеть эти препятствия и будет долго топтаться на одном месте, либо же, преодолев эти препятствия, наткнется на новые. Верно то, что ни одно из существовавших на этом пути препятствий не преодолено, но тем не менее было бы несправедливо утверждать, что Комиссия и в течение VI сессии топталась на одном месте. Мы не предвидели третьего выхода из положения, а именно, возможности того попятного движения, которое характеризует работу VI сессии. Если предыдущие сессии, оставаясь на одном месте, давали нулевые результаты, то настоящая сессия, сделав, наконец, движение, но движение вспять, может записать на свой кредит результаты отрицательные.

2. В самом деле, все те существенные статьи проекта конвенции, которые раньше вызывали разногласия между делегациями, Комиссия, пойдя по линии наименьшего сопротивления, просто устранила из конвенции. Если составить список отвергнутых и взятых обратно предложений касательно разоружения, то он, несомненно, окажется длиннее списка тех положительных решений, которые VI сессия приняла. Чтобы не быть голословным, перечислю главнейшие предложения, отвергнутые Комиссией, при чем я совершенно не буду

касаться самого серьезного момента в жизни сессии, а именно, отклонения советского проекта конвенции, со всеми преимуществами, которые он, несомненно, имеет перед проектом конвенции, обсужденным Комиссией. Но и в пределах этой конвенции Комиссия отвергла одну за другой поправки Советской Делегации о воспрещении подготовки к химической войне и о воспрещении воздушной бомбардировки. Комиссия исключила из конвенции статьи об ограничении военных резервов, об ограничении запасов военных материалов как сухопутных армий, так и воздушных сил. Она отказалась детализировать списки орудий войны, подлежащих ограничению, и, таким образом, затруднила решения о совершенном устранении из обихода армий тех из них, которые являются особенно агрессивными и представляющими особенную опасность для гражданского населения. Комиссия отказалась детализировать списки отдельных чинов армий и воздушных специалистов, без чего крайне затрудняется действительное ограничение способности военных сил к широкому развертыванию. Комиссия отклонила предложение об обязательности ограничения сухопутных и воздушных сил отдельно по метрополиям и колониям. Комиссия не приняла сов. предложения о запрещении новых усовершенствованных орудий истребления. Наконец, Комиссия не сочла нужным подвергнуть серьезному обсуждению предложение Китайской Делегации об уничтожении обязательной воинской повинности. Этим, конечно, список отрицательных решений Комиссии далеко не исчерпывается. Однако самым решающим моментом в истории не только VI сессии, но и всей Подготовительной Комиссии я считаю отказ в окончательном принятии принципа сокращения каких бы то ни было элементов военных сил, т.-е. принципа разоружения.

3. Позвольте мне еще раз напомнить вам, что, когда делегация в начале VI сессии поставила на обсуждение известные три основных вопроса, Комиссия ответила резолюцией, в которой признала своей задачей установление схемы сокращения, и даже существенного сокращения, вооружений. Значение этого решения, однако, было окончательно уничтожено, когда при обсуждении отдельных глав конвенции Комиссия отклонила советское предложение о применении к этим главам понятия сокращения, вместо понятия ограничения. Более того, когда Советская Делегация в духе уступчивости и примирения согласилась на употребление обоих слов — «ограничение» и «сокращение», Комиссия все же решила остаться на прежней терминологии конвенции, знающей лишь слово «ограничение», тем самым подчеркнув, что она стремится свести задачу Конференции лишь к ограничению вооружений. Если бы я был приверженцем Статута Лиги Наций, то я имел бы право обвинить Комиссию в вопиющем

отступлении от 7 статьи Статута, к авторитету которой делегации так часто апеллировали и которая говорит о сокращении вооружений, между тем как Комиссия совершенно изгнала из употребления слово «сокращение».

Двукратное отклонение советского предложения о подготовке схемы сокращения, а не ограничения вооружений является самой выдающейся чертой женевской сессии, которая не может остаться незамеченной искренними сторонниками и друзьями разоружения.

5. Каков же положительный баланс работ сессии? От второго чтения уцелели кое-какие статьи, перечисляющие личный состав сухопутных армий, при чем некоторые из этих статей и сами таблицы претерпели значительное ухудшение в своей новой редакции. Но имеет ли Комиссия в виду сокращение хотя бы перечисленных в этих статьях элементов вооруженных сил? Я думаю, что недвусмысленным ответом на этот вопрос является вышеотмеченный упорный отказ Комиссии от употребления слов «сокращение вооружений». Более того, некоторые делегаты дали нам понять на этой же сессии, что представляемые ими страны не смогут подвергнуть сокращению свои армии, одни—вследствие того, что они сами якобы уже добровольно сократили свои армии, другие—потому, что находятся в исключительных обстоятельствах, а третьи—потому, что считают справедливым увеличение своих армий.

6. При этих обстоятельствах позволительно спросить, с какой целью Подготовительная Комиссия должна собраться еще раз до Конференции. Какими вопросами смогут заниматься дальнейшие сессии Подготовительной Комиссии? Морскими вооружениями? Но уже на третьей, четвертой и пятой сессиях было признано, а на нынешней сессии подтверждено, что Подготовительная Комиссия ни в какой мере не сможет содействовать разрешению этой проблемы, которая до сих пор предоставлялась и вновь предоставляется на усмотрение нескольких морских держав, при чем работа эта будет протекать, как и до сих пор протекала, вне Подготовительной Комиссии. Если эти дипломатические переговоры между Державами и дадут какие-нибудь результаты, то Подготовительная Комиссия сведет свою роль к тому, чтобы лишь зарегистрировать их. Но не может ли эта регистрация с одинаковым успехом быть сделана самой Конференцией? Ограничением военных бюджетов? Но не заявляли ли нам здесь некоторые делегаты, что такое ограничение для них неприемлемо? Вопросом о гласности? Но он занимает лишь соподчиненное положение и имеет значение лишь в случае действительного сокращения вооружений, каковое еще не решено. Но, может быть, Комиссия займется пересмотром глав об организации контроля? Но не заявил ли нам здесь

ряд делегаций о неприемлемости для них принципа международного контроля? Остаются вопросы о сроке конвенции, ратификации ее, месте хранения ратификационных грамот и т. п. Но стоит ли собираться для обсуждения столь второстепенных вопросов, когда ничего еще не достигнуто по основным вопросам? Если Конференции удастся добиться сколько-нибудь существенных результатов по основным вопросам, то легче будет разрешить вопрос о ратификации и т. п.

7. По всем этим соображениям я полагаю, что нам нет надобности вновь созывать Комиссию и что мы можем перейти непосредственно к созыву Конференции по Разоружению, передав ей в качестве материала, в настоящем его виде, тот документ, который здесь называется проектом конвенции о разоружении.

8. Мы должны, конечно, спросить себя, в состоянии ли будет Конференция оправдать те надежды, которые неосновательно возлагались до сих пор на Подготовительную Комиссию. Я далек от мысли обвинять в безуспешности работ Комиссии моих коллег. Я готов допустить, что они неохотно, против воли, а иногда и против своих личных убеждений выступали против предложений в пользу разоружения. Они поступали так, выполняя инструкции своих правительств. Они, наверное, сами были бы рады выполнять инструкции противоположного характера. Спрашивается, можно ли ожидать, что они или другие представители тех же самых правительств займут на Конференции позицию по сокращению вооружений, отличную от той, которую они занимали в Подготовительной Комиссии? Безусловно, нет. Но если мы тем не менее настаиваем на скорейшем созыве Конференции, то делаем это по следующим соображениям. Мы надеемся, что, узнав о безуспешности работ Подготовительной Комиссии, народные массы всех стран, являющиеся главной движущей силой международной кампании за разоружение и за мир, в такой мере усилят свое давление на свои правительства, что последние вынуждены будут на самой Конференции занять позицию, более отвечающую желаниям и требованиям этих масс. В таком случае Конференция будет вынуждена, отвергнув работы Подготовительной Комиссии, начать дело заново, и, может быть, создать новую Комиссию, дав ей определенные руководящие указания, совершенно отличные от тех, на которых базировалась наша Подготовительная Комиссия. Если же этого не случится и делегаты Конференции приедут с такими же инструкциями, какими руководствовалась Подготовительная Комиссия, то Конференция потерпит, конечно, окончательный крах. Даже такой результат будет иметь ту выгоду, что заставит народное движение за мир и разоружение пробивать себе новые пути, проложить новые русла, вер-

нее ведущие к намеченным этим движением целям. В том и другом случае дело мира и дело разоружения от ускорения созыва Конференции только выиграет.

9. Мне не приходится вслед за графом Бернсторфом заявлять теперь, что Советская Делегация не может делить ответственности с большинством Комиссии за результаты или, точнее, за безрезультатность ее работ. Советская Делегация это заявляла уже не раз и значительно раньше. Германская Делегация долгое время возлагала некоторые надежды на второе чтение проекта конвенции Комиссии, которого она энергично добивалась. Советская Делегация этой надежды никогда не питала и поэтому всегда высказывалась против второго чтения этого проекта конвенции, предлагая свой проект, основанный на других принципах, которые правительствам было бы гораздо труднее отвергнуть, чем те предложения, которые вытекали из прежних работ Комиссии. Советская Делегация не испытывает поэтому никакого разочарования. Она не жалеет о своем участии в Комиссии и о как будто бы даром потраченном ею времени. Она своим присутствием в Комиссии, своими предложениями в сторону максимального разоружения уничтожила в зародыше легенду, которую пытались здесь сотворить о Советском Союзе, как о препятствии по пути к всеобщему разоружению. Советский Союз является наиболее угрожаемым государством из всех здесь представленных. Советский Союз является об'ектом вражды и недружелюбия всего буржуазного мира. Советский Союз имеет множество врагов и мало друзей. Советский Союз, в случае нападения на него, может рассчитывать только на свои собственные вооруженные силы, на свою Красную армию и на свой Красный флот. Тем не менее, Советская Делегация не сочла нужным говорить здесь о недостаточной безопасности, об особых условиях положения своей страны, не требовала для себя никаких из'ятий, а соглашалась на самые радикальные формы разоружения, и не только соглашалась, но и сама их предлагала. Мы вынуждены констатировать, что этот пример не нашел себе подражателей, даже со стороны таких государств, которые в смысле своей национальной безопасности находятся в несравненно более благоприятном положении. При голосовании отдельных предложений о наиболее эффективных средствах разоружения, о наибольшем сужении размаха будущих войн, о наибольшем смягчении ужасов этих войн Советская Делегация была всегда в меньшинстве, а чаще всего—в одиночестве. Советскую Делегацию нисколько не смущает это одиночество, она, наоборот, гордится им. В таком же духе готовности к жертвам и действительным уступкам в пользу разоружения, в духе такого же миролюбия Советская Делегация готова предстать на Конференции по Разоружению, скорейший созыв которой я ныне предлагаю.

СОДЕРЖАНИЕ.

		Стр.
	Вводная статья	3
1.	Вступительная речь т. Литвинова	11
2.	Речь т. Лангового по поводу советского проекта конвенции о сокращении вооружений	19
3.	Речь т. Литвинова о трех основных положениях советского проекта	26
4.	Речь т. Литвинова в защиту трех основных положений советского проекта	27
5.	Речь т. Литвинова о необходимости выражения каждым правительством своего отношения к вопросу о сокращении вооружений	31
6.	Проект резолюции по вопросу о сокращении вооружений	32
7.	Речь по поводу проекта резолюции о сокращении вооружений, представленного Советской Делегацией	33
8.	Декларация по поводу отклонения советского проекта конвенции о сокращении вооружений	37
9.	Письмо т. Литвинова г. Лоудону по поводу особого положения, в которое последний ставит Советскую Делегацию	41
10.	Предложение по вопросу о химической войне	43
11.	Речь по поводу декларации г. Гибсона	44
12.	Речь по поводу связи между пактом Келлога, разоружением и воспрещением воздушных бомбардировок	46
13.	Вторая речь по поводу воздушных бомбардировок	48
14.	Речь по поводу ограничения колониальных воздушных сил	50
15.	Речь по поводу предложения одобрить идею воздушных санкций	51
16.	Речь по поводу согласия делегата САСШ г. Гибсона оставить неограниченными военнообученные резервы	52
17.	Речь по поводу сокращения и ограничения вооруженных сил	56
18.	Речь о мнимом сокращении вооружений и выхолащивании конвенции	57
19.	Речь о недопустимости замены вопроса об ограничении вооружений вопросом об опубликовании сведений об их количестве	60
20.	Речь по поводу отказа от ограничения вооружений и военных бюджетов и относительно методов соглашения за счет дела разоружения	61
21.	Речь о стабилизации военных изобретений	63
22.	Речь об оценке работ Комиссии по разоружению, произнесенная на последнем заседании	65

Библиотека Международных Отношений

Цена 35 коп.